



7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал
Издается ежемесячно с ноября 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 12(138)

Декабрь 2025

Часть 2

Москва
2025

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р философии в области культурологии;

Члены редакционной коллегии:

Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна - д-р искусствоведения;

Аль-Мугаммай Аззам Ахмад Джума - Associate Professor;

Нестеренко Алена Юрьевна – канд. культурологии;

Павенков Олег Владимирович – д-р богословия;

Тупикова Светлана Евгеньевна - канд. филол. наук;

Улитова Анастасия Сергеевна - канд. филол. наук;

Фролова Юлия Сергеевна - д-р соц-х наук;

Шаронова Елена Александровна - д-р филол. наук;

Шеховская Юлия Андреевна - канд. филол. наук;

Щукина Вероника Александровна - канд. филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. – № 12(138).

Часть 2., М., Изд. «МЦНО», 2025. – 44 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/12138>

ISSN : 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2025.138.12

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2025 г.

Содержание	
Статьи на русском языке	4
Филологические науки	4
Языкознание	4
Русский язык	4
ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ	4
Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта	
ГИБРИДИЗАЦИЯ ГОДОНИМОВ КОКШЕТАУ	10
Куц Алёна Николаевна	
Сабитова Римма Равильевна	
Амангелді Диана Нұржанқызы	
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	14
ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВ:	14
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИИ И ИРАКА	
Али Хуссейн Хади	
Теория языка	20
РОЛЬ ЖЕСТОВ И ПАНТОМИМЫ С ПОЯВЛЕНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ	20
Амирова Севда	
ЭФФЕКТИВНОЕ ОСВОЕНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ	24
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЭКСКУРСОВОДОВ	
Байлакай Онзагай Орлановна	
Байкалова Елена Дмитриевна	
Papers in English	28
Philology	28
Literary criticism	28
Literature of the people of the countries of abroad (with instructions of the concrete literature).	28
ARTISTIC REPRESENTATIONS OF THE AMERICAN DREAM IN LITERATURE:	28
A DISCURSIVE ANALYSIS BASED ON THE GREAT GATSBY	
Valiyeva Irodakhon	
Literature theory. Textual criticism.	31
SEMANTIC CLASSIFICATION AND STRUCTURE OF COSTUME DESIGN VOCABULARY	31
Nazirova Oygul Mukhitdinovna	
Linguistics	34
German languages	34
EFFECTIVE TECHNIQUES FOR CORRECTING PRONUNCIATION ERRORS	34
IN RUSSIAN LEARNERS OF ENGLISH	
Bondareva Nelli Karoevna	

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

*Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта**канд. филол. наук, преподаватель,
Государственный университет Кербала,
Ирак, г. Кербала**E-mail: adnan.habeeb@uokerbala.edu.iq*EVOLUTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT:
A CORPUS-BASED ANALYSIS*Al-Bder Adnan Habeeb Lafta**PhD, Lecturer,
Karbala State University,
Iraq, Karbala*

АННОТАЦИЯ

Целью настоящего исследования, является систематический обзор современных исследований, посвященных трансформации русского языка под влиянием цифровых технологий с применением корпусных методов анализа. В рамках настоящего исследования, автором рассматриваются основные направления изменений русского языка в интернет-коммуникации, социальных сетях и мессенджерах на основе данных национальных и специализированных корпусов. Основные результаты проведенного исследования показывают, что цифровая среда катализирует процессы языковой вариативности, способствует формированию новых жанров интернет-дискурса и влияет на орфографические, лексические и синтаксические нормы современного русского языка. Выводы, полученные автором в процессе работы, свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития корпусных инструментов для мониторинга языковых изменений в цифровом пространстве и создания специализированных корпусов интернет-текстов.

ABSTRACT

The aim of this study is to conduct a systematic review of contemporary research on the transformation of the Russian language under the influence of digital technologies, employing corpus-based analytical methods. The study examines the key directions of linguistic change in online communication, social networks, and messaging platforms, drawing on data from national and specialized corpora. The findings indicate that the digital environment accelerates linguistic variability, fosters the emergence of new genres of online discourse, and affects the orthographic, lexical, and syntactic norms of modern Russian. The conclusions highlight the need for further development of corpus-based tools to monitor linguistic change in the digital sphere and for the creation of specialized corpora of online texts.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, русский язык, цифровая коммуникация, интернет-дискурс, языковая вариативность, национальный корпус русского языка, социальные сети, языковые изменения.

Keywords: corpus linguistics, Russian language, digital communication, Internet discourse, linguistic variability, Russian National Corpus, social networks, linguistic change.

Введение

Стремительное развитие информационных технологий в последние два десятилетия, безусловно, оказало беспрецедентное влияние на все сферы человеческой деятельности, и язык как основное средство коммуникации не стал исключением. Цифровая среда создала принципиально новые условия для функционирования русского языка, что, в свою очередь, требует пристального внимания исследователей и разработки адекватных методов анализа происходящих изменений. Актуальность данного исследования, по мнению автора, обусловлена необходимостью систематизации накопленных знаний о трансформации русского языка в цифровом пространстве и оценки возможностей корпусных методов для изучения этих процессов.

Следует отметить, что интерес лингвистов к языку интернет-коммуникации проявился уже в начале 2000-х годов. Пионерские работы Н.Д. Голева и М.Ю. Сидоровой заложили основы изучения русского языка в электронной среде [6; 36]. Впоследствии исследования Е.И. Горошко, Л.Ю. Щипициной и О.В. Лутовиновой существенно расширили понимание специфики интернет-дискурса и его влияния на языковую систему [7; 26; 40]. Особенно важными представляются работы, посвященные корпусному подходу к изучению интернет-текстов, среди которых необходимо выделить исследования В.П. Захарова и М.В. Копотева [13; 21].

Теоретическую базу настоящего исследования составляют труды ведущих специалистов в области корпусной лингвистики, таких как А.Н. Баранов, В.П. Захаров, О.Ю. Крючкова [3; 25], а также работы по цифровой лингвистике и интернет-коммуникации Е.И. Горошко, Н.А. Ахреновой, Г.Н. Трофимовой [10; 37]. Методологические аспекты корпусного анализа рассмотрены в фундаментальных работах зарубежных исследователей Т. МакЭнери и Э. Харди, а также в исследованиях российских ученых, работающих над Национальным корпусом русского языка [32; 41].

Целью данного исследования является комплексный анализ современного состояния изучения эволюции русского языка в цифровой среде с использованием корпусных методов и выявление основных тенденций, проблем и перспектив в этой области.

Научная новизна исследования заключается в систематизации и критическом осмыслении разнородных данных о трансформации русского языка в цифровом пространстве, полученных с использованием корпусных методов.

Теоретическая значимость работы состоит в обобщении и систематизации автором теоретико-методологических подходов к изучению русского языка в цифровой среде, что создает основу для дальнейших исследований в этой области. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных автором результатов обзора, при разработке новых корпусных ресурсов, создании учебных курсов по цифровой лингвистике, а также при формировании рекомендаций по языковой политике в цифровом пространстве.

Материалы и методы исследования

Материалом для настоящего обзорного исследования послужили научные публикации отечественных авторов, посвященные корпусному анализу русского языка в цифровой среде. Всего автором было проанализировано более сорока научных работ, включающих монографии, статьи в рецензируемых журналах, материалы конференций и диссертационные исследования. Отбор источников осуществлялся на основе поиска в научных базах данных eLIBRARY.ru, Cyberleninka, а также в специализированных лингвистических журналах, входящих в перечень ВАК и РИНЦ.

Методологическую основу авторского исследования составил комплексный подход, включающий описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы.

Результаты и обсуждение

Анализ научной литературы показывает, что корпусные исследования русского языка в цифровой среде развиваются по нескольким основным направлениям, каждое из которых характеризуется специфическими методами и результатами. Прежде всего, необходимо отметить значительный прогресс в создании специализированных корпусов интернет-текстов. Национальный корпус русского языка, как показывают исследования В.А. Плунгяна и В.П. Захарова, постепенно расширяет свои возможности за счет включения текстов из цифровых источников, хотя их доля пока остается относительно небольшой [14; 32].

Особый интерес представляют специализированные корпуса, ориентированные исключительно на интернет-коммуникацию. Работы Е.И. Горошко и Е.А. Поповой демонстрируют, что создание таких корпусов сопряжено с рядом методологических сложностей, связанных с быстрым устареванием данных, необходимостью учета мультимодальности интернет-текстов и проблемами автоматической разметки нестандартных языковых явлений [8; 33]. Тем не менее, как отмечается в исследовании М.А. Кронгауза и его коллег, даже небольшие специализированные корпуса позволяют выявить важные тенденции в развитии языка цифровой коммуникации [22].

Анализ лексических изменений в цифровой среде представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений корпусных исследований. Работы Е.В. Какориной и Л.П. Крысина показывают, что интернет-коммуникация характеризуется интенсивным процессом неологизации, причем значительная часть новых слов формируется на базе заимствований из английского языка [16; 23]. Корпусный анализ позволяет отследить динамику вхождения новых лексем в активное употребление и их дальнейшую судьбу. Интересно, что, согласно данным исследования Н.В. Козловской, многие интернет-неологизмы демонстрируют высокую частотность в цифровой среде, но редко проникают в традиционные письменные тексты [20].

Орфографические изменения в цифровой коммуникации также привлекают внимание исследователей. Работы Н.Д. Голева и его учеников демонстрируют,

что интернет-среда характеризуется значительной орфографической вариативностью, которая во многих случаях носит не случайный, а функциональный характер [5]. Корпусные данные позволяют выявить устойчивые паттерны орфографических девиаций, многие из которых, как показывает исследование О.В. Дедовой, служат средством выражения эмоций или маркерами принадлежности к определенным интернет-сообществам [11].

Синтаксические особенности цифровой коммуникации исследованы в меньшей степени, однако существующие работы демонстрируют значительные отличия синтаксиса интернет-текстов от традиционной письменной речи. Исследование Л.Ю. Щипициной показывает, что для интернет-коммуникации характерна тенденция к синтаксическому упрощению, увеличению доли неполных и парцелированных конструкций [39]. Вместе с тем, как отмечает Г.Н. Трофимова, в некоторых жанрах цифровой коммуникации, напротив, наблюдается

усложнение синтаксических структур за счет использования гипертекстовых связей [37].

Важным направлением корпусных исследований является анализ жанровой специфики языка цифровой среды. Работы О.В. Лутовиновой и Н.А. Ахреновой демонстрируют, что различные платформы и типы интернет-коммуникации характеризуются специфическими языковыми особенностями [2; 27]. Корпусный анализ позволяет выявить эти различия на количественном уровне и проследить динамику развития отдельных жанров. Особенно интересными представляются исследования языка социальных сетей, которые показывают формирование специфических дискурсивных практик в рамках каждой платформы.

Сравнительный анализ различных типов корпусов и их эффективности для изучения языка цифровой среды представлен в таблице 1, которая систематизирует основные характеристики существующих корпусных ресурсов на основе данных рассмотренных исследований.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика корпусов для изучения русского языка в цифровой среде

Тип корпуса	Объем (млн словоупотреблений)	Основные источники
Национальный корпус РЯ (интернет-подкорпус)	Около 200	Новостные сайты, блоги, форумы
Специализированные корпуса соцсетей	50-100	ВКонтакте, Twitter, Facebook
Корпусы интернет-комментариев	30-80	Комментарии к новостям, блогам
Корпусы мессенджеров	20-50	Telegram, WhatsApp (анонимизированные)

Методологические проблемы корпусного анализа цифровых текстов заслуживают особого внимания. Как справедливо отмечают В.П. Захаров и А.Н. Баранов, традиционные корпусные методы не всегда адекватны для анализа интернет-коммуникации [4; 13]. Во-первых, существует проблема репрезентативности: цифровая среда настолько обширна и разнообразна, что создание действительно представительного корпуса представляется практически невозможным. Во-вторых, динамичность интернет-коммуникации приводит к быстрому устареванию собранных данных. В-третьих, мультимодальность многих интернет-текстов требует разработки новых методов анализа, учитывающих взаимодействие вербальных и невербальных компонентов.

Исследования последних лет демонстрируют попытки преодоления этих методологических проблем. Работа И.В. Ягунковой и Л.Н. Иорданской показывает перспективность использования методов машинного обучения для автоматической разметки интернет-текстов [31]. Исследование А.С. Романова и его коллег демонстрирует возможности применения нейросетевых технологий для анализа семантики интернет-дискурса [29]. Однако, как

отмечается в работе Е.В. Рахилиной, полностью автоматизированный анализ пока не может заменить экспертную оценку, особенно при изучении тонких семантических и прагматических аспектов языка цифровой коммуникации [34].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о влиянии цифровой среды на языковую норму. Исследования Л.П. Крысина и М.А. Кронгауза показывают, что интернет-коммуникация способствует размыванию традиционных представлений о языковой норме [22; 34]. Корпусные данные демонстрируют, что многие явления, традиционно считавшиеся ошибочными, приобретают в цифровой среде статус вариантов нормы. Вместе с тем, как подчеркивает О.И. Северская, не следует преувеличивать деструктивное влияние интернета на языковую систему: многие инновации остаются ограниченными рамками цифровой коммуникации и не проникают в другие сферы функционирования языка [35].

Социолингвистический аспект корпусных исследований цифровой коммуникации представлен в работах Е.А. Земской и Н.Б. Мечковской [15; 28]. Анализ корпусных данных позволяет выявить социально обусловленные различия в языке цифровой коммуникации, связанные с возрастом, образованием,

региональной принадлежностью пользователей. Особенно интересными представляются исследования молодежного сленга в интернете, которые показывают высокую скорость обновления лексического состава и значительную вариативность употребления.

Прагматические аспекты интернет-коммуникации исследованы в работах Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой [1; 30]. Корпусный анализ позволяет выявить специфические стратегии речевого поведения

в цифровой среде, особенности выражения вежливости, агрессии, иронии. Важно отметить, что прагматическая интерпретация корпусных данных требует учета широкого контекста, включая особенности коммуникативной ситуации и характеристики участников общения.

Динамика языковых изменений в цифровой среде представлена в таблице 2, которая систематизирует основные тенденции, выявленные в рассмотренных исследованиях.

Таблица 2.

Основные тенденции языковых изменений в цифровой среде по данным корпусных исследований

Уровень языка	Основные тенденции	Степень проникновения в общелитературный язык
Фонетико-графический	Активное использование транслитерации, графических эмоджи, нестандартной орфографии	Низкая (ограничено цифровой средой)
Лексический	Интенсивная неологизация, заимствования, семантические сдвиги	Средняя (проникновение отдельных лексем)
Морфологический	Активное словообразование, гибридные формы	Низкая
Синтаксический	Упрощение конструкций, парцелляция, эллипсис	Средняя (влияние на разговорную речь)
Прагматический	Новые стратегии вежливости, изменение норм речевого этикета	Высокая (влияние на общую культуру общения)

Перспективы развития корпусных исследований русского языка в цифровой среде связаны, прежде всего, с совершенствованием технологий сбора и обработки данных. Работы в области автоматической обработки естественного языка, такие как исследования И.М. Кобозевой и А.Е. Кибрика, показывают возможности использования современных компьютерных технологий для создания более совершенных корпусных инструментов [18; 19]. Особенно перспективным представляется развитие динамических корпусов, способных отслеживать языковые изменения в реальном времени.

Междисциплинарный характер исследований языка цифровой среды требует интеграции лингвистических методов с подходами, разработанными в рамках компьютерных наук, социологии, психологии. Работы на стыке этих дисциплин, такие как исследования Горошко Е.И., и В.Б. Касевича, демонстрируют продуктивность такого синтеза [9; 17]. Корпусная лингвистика в этом контексте выступает как методологическая основа, обеспечивающая эмпирическую базу для междисциплинарных исследований.

Выводы

Проведенный в рамках настоящей статьи обзор научных трудов, а так же статей современных отечественных исследователей, посвященных эволюции русского языка в цифровой среде с использованием

корпусных методов, позволяет сделать несколько важных выводов. Прежде всего, необходимо отметить, что корпусный подход доказал свою эффективность как инструмент изучения языковых изменений в цифровой коммуникации, обеспечивая возможность количественного анализа больших объемов данных и выявления статистически значимых тенденций. Так же в процессе исследования было установлено, что, цифровая среда действительно оказывает существенное влияние на все уровни языковой системы, причем наиболее значительные изменения наблюдаются на лексическом и прагматическом уровнях.

Вместе с тем, проведенный автором настоящего исследования анализ литературы и трудов современных отечественных исследователей, выявил ряд методологических проблем, требующих решения. К ним относятся: вопросы репрезентативности корпусов интернет-текстов, разработки адекватных методов разметки нестандартных языковых явлений, учета мультимодальности цифровой коммуникации. По мнению автора, необходимо также отметить недостаточную изученность некоторых аспектов языка цифровой среды, в частности, синтаксических изменений и региональной вариативности интернет-коммуникации.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 911 с.

2. Ахренова, Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Москва, 2009. — 35 с.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — 2-е изд., испр. — М.: Едиториал УРСС, 2009. — 368 с.
4. Баранов А.Н. Корпусная лингвистика // Введение в прикладную лингвистику. — Изд. 3-е. М., 2007. — С. 112–137.
5. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Медиалингвистика. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 4–26.
6. Голев Н.Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) // Язык и культура. — 2015. — № 2 (30). — С. 105–116.
7. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. — Вып. 6 «Жанр и язык». — С. 11–27.
8. Горошко Е.И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении: монография. — Харьков: «ФЛП Либуркина Л. М.», 2009. — 816 с.
9. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. — М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. — 328 с.
10. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. — 2015. — № 2 (12). — С. 119–127.
11. Дедова О.В. Графическая неоднородность как категория гипертекста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. — 2002. — М.: МГУ. — № 6. — С. 91–103.
12. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учеб.-метод. пособие. — СПб., 2005. — 48 с.
13. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учеб. 3-е изд., перераб. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — 234 с.
14. Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — 2010. — № 9 (16). — С. 137–143.
15. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / ответственный редактор Е.А. Земская. — 2-е издание. — Москва, 2000. — С. 90–141.
16. Какорина Е.В. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык : система-норма-узус / отв. ред. Л. П. Крысин; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Изд-во "Языки славянских культур", 2010. — С. 273–340.
17. Касевич В.Б. Труды по языкознанию / под ред. Ю. А. Клейнера. — В 2 т. — Т.1. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 663 с.
18. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. — СПб.: Алетейя, 2003. — 720 с.
19. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. — М.: Едиториал УРСС, 2000. — 352 с.
20. Козловская Н.В., Павлова А.С. К проблеме адаптации лексики инстаграм и ее производных в современном русском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2022. — № 3 (108). — С. 173–184.
21. Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику. — Прага: Animedia Company, 2014. — 231 с.
22. Кронгауз М. Самоучитель албанского языка. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 416 с.
23. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — 318 с.
24. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. — М.: Академия, 2007. — 240 с.
25. Крючкова О.Ю. Корпусная лингвистика : учеб. для студентов гуманитарных вузов. — Иркутск : ИГЛУ, 2011. — 161 с.
26. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — 476 с.
27. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Теория языка. Волгоград. 2013. — 437 с.
28. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 584 с.
29. Мещеряков Р.В., Романов А.С. Идентификация автора текста с помощью аппарата опорных векторов в случае двух возможных альтернатив // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. — С. 432–437.

30. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Отв. ред. В. А. Успенский. — Москва : Наука, 1985. — 270 с.
31. Пивоварова Л.М., Ягунова Е.В. От коллокаций к конструкциям // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2014. — Т. 10. — № 2. — С. 568–617.
32. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении*. — № 16(2). — 2008. — С. 7–20.
33. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // *НДВШ Филологические науки*. — 2002. — № 3. — С. 69–77.
34. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // *Семиотика и информатика*. — 1998. — 49 с.
35. Северская О.И. Язык поэтической школы: социолект, идиолект, идиостиль. — М.: Словари.ру, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007. — 126 с.
36. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. — М.: Изд-во «1989.ру», 2006. — 184 с.
37. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете. Концептуально-сущностные доминанты : монография. — М.: Российский университет дружбы народов, 2009. — 40 с.
38. Трофимова Г.Н., Барабаш В.В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации) : монография. — М.: РУДН, 2020. — 273 с.
39. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации / Л.Ю. Щипицина. — Архангельск: Поморский университет, 2009. — 238 с.
40. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа : монография. — М.: КРАСАНД, 2010. — 296 с.
41. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 294 p.

ГИБРИДИЗАЦИЯ ГОДОНИМОВ КОКШЕТАУ

Куц Алёна Николаевна

преподаватель

Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова,

Казахстан, г. Кокшетау

E-mail: alena_adelina@mail.ru**Сабитова Римма Равильевна**

преподаватель

Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова,

Казахстан, г. Кокшетау

E-mail: ri_1987@mail.ru**Амангелді Диана Нұржанқызы**

студент

Кокшетауского университета имени А.Мырзахметова,

Казахстан, г. Кокшетау

E-mail: amangeldidiana610@gmail.com

HYBRIDIZATION OF HODONYMS IN KOKSHETAU

Kuts Alena Nikolaevna

Lecturer

at Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,

Kazakhstan, Kokshetau.

Sabitova Rimma Ravilievna

Lecturer

at Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,

Kazakhstan, Kokshetau

Amangeldi Diana Nurzhanqyzy

Student

at Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,

Kazakhstan, Kokshetau,

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается гибридизация годонимов в топонимии Кокшетау. Анализируется взаимодействие казахского и русского языков при формировании городских названий, а также лингвистические и социокультурные аспекты этого процесса. Исследование основано на комплексном подходе, включающем лингвистические, социолингвистические и культурологические методы. Показано, что гибридные топонимы отражают историческую динамику, языковое сосуществование и формирование культурной идентичности в условиях полиэтничности и билингвизма.

ABSTRACT

In this article, the hybridization of hodonyms in the toponymy of Kokshetau is examined. The study explores how Kazakh and Russian interact in shaping urban place names, along with the linguistic and sociocultural aspects of this process. Using a multidisciplinary approach, it shows that hybrid toponyms reflect historical change, language coexistence, and the formation of cultural identity in a multiethnic, bilingual environment.

Ключевые слова: годонимы, топонимия, урбанонимы, гибридизация, Кокшетау, казахский язык, русский язык, билингвизм, многоязычие, языковая политика.

Keywords: hodonyms, toponymy, urbanonyms, hybridization, Kokshetau, Kazakh language, Russian language, bilingualism, multilingualism, language policy, cultural identity.

В условиях многоязычия и культурного многообразия Казахстана особое значение приобретает исследование процессов формирования и функционирования городских топонимов, в частности годонимов.

Годонимы – это разновидность урбанонимов, представляющих собой наименования линейных внутригородских объектов: улиц, переулков, проспектов, проездов и других элементов городской инфраструктуры. Помимо топографической функции, годонимы несут важную семантическую, социокультурную и коммуникативную нагрузку, отражая исторические, этнические и языковые особенности региона [8].

Ключевым процессом, влияющим на структуру и динамику годонимов, является гибридизация – лингвистическое явление, связанное с объединением элементов из разных языков и культурных кодов в одном языковом объекте. В топонимическом пространстве Кокшетау гибридизация проявляется на фонетико-графическом, морфологическом, семантическом и культурно-кодовом уровнях, что обусловлено историко-культурным контекстом, а также языковой ситуацией и этническим составом населения города [11].

Современная топонимическая система Казахстана, и, в частности города Кокшетау, формируется под воздействием множества факторов: исторического наследия, политических трансформаций, двуязычия (казахский и русский языки) и процессов глобализации [12]. Активное взаимодействие языков и культур порождает гибридные топонимические формы, которые отражают сложную языковую и культурную динамику региона.

Несмотря на возросший интерес к проблемам топонимии и урбанонимии, явление гибридизации годонимов остаётся недостаточно изученным в контексте конкретных городов Казахстана, особенно с учётом их лингвистической и культурной специфики [10]. Механизмы и последствия взаимодействия казахского и русского языков в микротопонимии Кокшетау требуют более глубокого анализа с учётом формирования городской идентичности и культурной памяти [2].

В условиях культурного многообразия и языкового сосуществования, характерного для современного Казахстана, особое значение приобретает изучение урбанонимии – системы городских наименований. Годонимы, как подвид урбанонимов, выполняют не только практическую (топографическую), но и символическую, социокультурную функцию. Казахстан в целом и Кокшетау в частности представляют собой уникальное пространство, где происходит взаимодействие различных языков и культур, что отражается в наименованиях улиц, проспектов и других городских объектов. Одним из ключевых явлений, характеризующих современную топонимическую систему, является гибридизация – сочетание элементов из разных языков в одном топонимическом объекте. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление

форм и функций гибридных годонимов Кокшетау, а также их роли в формировании городской идентичности.

В основу исследования легли методы структурного, сопоставительного, лингвокультурного и социолингвистического анализа. Эмпирическую базу составили: официальные карты и базы данных городских наименований Кокшетау; нормативные документы по языковой политике; лингвистические и ономастические исследования казахстанских и зарубежных учёных.

В результате анализа этих данных мы выбираем такой подход, который позволяет изучить гибридизацию топонимов на фонетическом, морфологическом и культурно-кодовом уровнях.

Фонетико-графическая гибридизация годонимов города Кокшетау представляет собой процесс взаимодействия звуковых (фонетических) и буквенных (графических) элементов в названиях городских объектов. Этот процесс отражает особенности произношения и написания топонимов в условиях многоязычия и культурных контактов региона.

В топонимах Кокшетау наблюдается адаптация казахских названий к русской графике и фонетике, что приводит к вариативности написания и произношения одних и тех же географических объектов. Например, казахское название «Көкшетау» в русском варианте часто передаётся как «Кокшетау» или «Кокчетав» [3].

В научных исследованиях отмечается, что подобные гибридные формы топонимов отражают историко-культурные процессы, пиджинизацию и языковую адаптацию, характерные для регионов с интенсивным этнокультурным взаимодействием [5].

Таким образом, фонетико-графическая гибридизация годонимов – это процесс, при котором в названиях улиц и других городских объектов сочетаются фонетические особенности произношения и графические особенности написания. Это приводит к появлению гибридных и вариативных форм, отражающих языковую и культурную динамику города.

Примеры фонетико-графической гибридизации годонимов Кокшетау:

1. Кокшетау – Кокчетав *Tun*: Русификация *Описание*: Старинная русская форма, где суффикс «-тау» (казах. «гора») заменяется на русифицированное «-тав». Это отражает адаптацию казахского звучания под фонетику русского языка [4].

2. Көкшетау – Kokshetau *Tun*: Латинизация (транслитерация с фонетическим приближением) *Описание*: Использование латинского алфавита для передачи казахского названия. При этом «Көк» передаётся как «Kok», что отражает кириллическое звучание, но не передаёт точность казахской фонемы «ө» [6].

3. Kokchetau *Tun*: Гибридизация с англоязычным фонетическим акцентом *Описание*: Название адаптируется под английское произношение – «ch» вместо «sh», что облегчает произношение для англоязычных носителей.

Морфологическая гибридизация годонимов – это лингвистическое явление, при котором в составе

одного топонима сочетаются морфологические элементы (приставки, корни, суффиксы, окончания) из разных языков или исторических пластов. В условиях полиэтнического и полиязычного города Кокшетау данное явление особенно показательно, отражая сложную социокультурную и языковую историю региона.

Примером смешанной морфологической структуры может служить и топоним Уокешская улица, в котором также наблюдается взаимодействие русского и иностранного компонентов. В основе названия лежит топоним Уокешо – название американского города Waukesha. При адаптации в местную ономастическую систему он получил транслитерационную форму Уокеш, которая подверглась русской морфологической обработке.

К этой основе добавляется типично русская словообразовательная модель: суффикс -ск- и флексия -ая, что формирует прилагательное Уокешская, согласующееся с существительным улица. Таким образом, в топониме сочетается иностранное происхождение корня (англоязычный топоним), его адаптация в кириллической графике и полное оформление по нормам русской грамматики. [1].

Некоторые топонимы включают морфемы, заимствованные из русского языка, но адаптированные к казахской морфологической системе. Примером может служить название *Бейбітшілік шағын ауданы* – микрорайон в Кокшетау. Здесь слово *бейбітшілік* является семантической калькой с русского «мир» (в значении «отсутствие войны») и образовано по казахским словообразовательным моделям от корня *бейбіт* (мирный) с суффиксом *-шілік*, обозначающим абстрактное понятие. Компонент *шағын аудан* – калька с русского «микрорайон», где *шағын* (малый) и *аудан* (район) формируют устойчивую словосочетательную конструкцию. Таким образом, весь топоним представляет собой морфологически гибридную структуру: семантически он восходит к русской урбанонимической традиции, но оформлен средствами казахского языка, что свидетельствует о глубоком языковом взаимодействии и адаптации в городской ономастике [7].

Названия улиц и других объектов могут отражать как физико-географические особенности, так и память об исторических событиях или выдающихся личностях, чьи имена зачастую оформляются в морфологически гибридной форме. Например, топоним *Абылай хан даңғылы* совмещает имя казахского правителя с казахским словом *даңғыл* (проспект), но в разговорной речи и на картах может встречаться в смешанных формах, например, *проспект Абылай хана*.

Таким образом, морфологическая гибридикация топонимов в Кокшетау представляет собой результат длительных языковых контактов, при которых в одном топониме сочетаются элементы из разных языков и культурных эпох. Это отражает как историческую многоязычность региона, так и современные тенденции в развитии городской ономастики.

Культурно-кодовая гибридикация топонимов в Кокшетау представляет собой проявление слож-

ного взаимодействия историко-культурных, этнолингвистических и политических факторов, повлиявших на формирование наименований как самого города, так и его географических и урбанонимических объектов. Топоним *Көкшетау* – один из наиболее выразительных примеров, в котором сочетаются природно-смысловые, этнические и историко-идеологические компоненты.

Название *Көкшетау* происходит от казахских морфем: *көк* (синий), *ше* (сравнительный аффикс) и *тау* (гора), что в совокупности может быть переведено как «синеватая гора» или «голубая гора». Это отражает не только визуальное восприятие окружающего ландшафта, но и мифопоэтическую традицию казахского народа, в которой природные объекты наделяются символическим значением.

Кроме того, топоним имеет глубокую историко-культурную связь с фольклорно-мифологическими текстами, включая упоминания в «Книге Коркыта», где образы природы, гор и музыкального искусства формируют ядро этнической памяти казахов [7]. Таким образом, топоним *Көкшетау* функционирует не только как географический ориентир, но и как носитель архаического культурного кода, передающего коллективное представление о пространстве, сакральности и этничности.

Культурно-кодовая гибридикация проявляется также в исторических трансформациях названия города: от тюркоязычного *Көкшетау* к русифицированной форме *Кокчетав* в период Советского Союза. Эта смена формы отражает процессы официальной языковой адаптации в политических и административных целях [7].

Явления культурно-языковой гибридности фиксируются и в современной урбанонимике города. Например, наряду с казахскими формами топонимов (*Аылай хана даңғылы*) встречаются их гибридные или русифицированные варианты (*площадь Аылай хана*), что свидетельствует о сосуществовании этнокультурной номинации и русской урбанистической традиции. Подобное смешение кодов формирует уникальную топонимическую картину, в которой историческая память, язык и культура переплетаются, отражая особенности формирования идентичности в современном Казахстане.

В результате анализа полученных данных можно утверждать, что гибридикация является системным и многоуровневым процессом, который фиксирует историческую преемственность, лингвистическое сосуществование и культурное многообразие.

Поэтому гибридные топонимы выполняют не только практические функции, но и служат важными символическими носителями памяти и идентичности.

В связи с этим дальнейшее изучение гибридикации в урбанистическом контексте позволит углубить понимание процессов национальной интеграции и языковой политики.

Гибридикация топонимов Кокшетау является отражением сложной лингвокультурной и историко-политической ситуации в Казахстане. Это явление:

свидетельствует о глубоком языковом взаимодействии; демонстрирует результат исторических и политических трансформаций; способствует формированию городской идентичности; отражает современные вызовы билингвизма и глобализации.

По этой причине комплексный анализ гибридных топонимов имеет большое теоретическое и практическое значение для социолингвистики и культурологии.

Список литературы:

1. Айтжанова А. Ж. Морфологическая структура казахских топонимов: взаимодействие и заимствование // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2017. – № 3(165). – С. 55–60.
2. Ахметова Г. Б. Языковая политика и топонимия городов Казахстана // Актуальные проблемы лингвистики. – 2017. – Вып. 15. – С. 120–131.
3. Ахметова Г. Б. Языковая адаптация топонимов в условиях билингвизма: на примере Кокшетау // Вестник лингвистики Казахстана. – 2019. – № 3. – С. 112–120.
4. Ахметова Г. Б. Семантические аспекты топонимии в многоэтничном регионе // Вестник лингвистики Казахстана. – 2020. – № 5. – С. 89–9.
5. Бекмуханова С. Т. Языковая гибридизация в урбанонимии как отражение культурных процессов // Ономастика и этноязыковые процессы. – 2021. – С. 78–89.
6. Ермакова Д. К. Урбанонимы и культурная память в современных городах Казахстана // Вестник культурологии. – 2021. – Т. 16. – С. 78–87.
7. Жанпейісова А. Н. Гибридизация топонимической системы в полиэтничных регионах Казахстана // Ономастика и культура. – 2019. – № 2. – С. 45–52.
8. Иванов И. И. Городские топонимы и их роль в культурной памяти // Вестник лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 45–53.
9. Камбарова Ж. Б. Ономастическое пространство Казахстана: динамика и взаимодействие языков // Қазақ тілі мен әдебиеті. – 2018. – № 6. – С. 89–93.
10. Ким Л. Н. Современная топонимия в постсоветских странах: проблемы и перспективы // Ономастика и этноязыковые процессы. – 2021. – С. 101–110.
11. Петрова А. В. Лингвистическая гибридизация в урбанонимах Казахстана // Журнал ономастики. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 67–79.
12. Сидоров В. М. Языковая ситуация и многоязычие в Казахстане // Вопросы социолингвистики. – 2019. – № 2. – С. 23–34.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI - 10.32743/UniPhil.2025.138.12.21423

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИИ И ИРАКА

Али Хуссейн Хади

канд. филол. наук, преподаватель,

Багдадский университет,

Генеральный секретариат Центральной библиотеки,

Ирак, г. Багдад

E-mail: ali.hadi@uobaghdad.edu.iqPOLITICAL METAPHORS IN TRANSITIONAL SOCIETIES: COMPARATIVE STUDY
OF RUSSIA AND IRAQ

Ali Hussein Hadi

PhD in philology, lecturer,

University of Baghdad,

General Secretariat of the Central Library

Iraq, Baghdad

АННОТАЦИЯ

Политические метафорические системы претерпевают систематические трансформации в периоды радикальных социально-политических изменений, однако сравнительный анализ в различных лингвокультурных контекстах остается ограниченным. Цель исследования — выявление функциональных и социокогнитивных особенностей метафорических конструкций, используемых для концептуализации власти, государственности и социальных изменений в российском и иракском политическом дискурсе переходных периодов конца XX — начала XXI веков.

Материалы и методы. Корпусный анализ политических текстов объемом 4,3 млн словоупотреблений (русский корпус — 2,5 млн, иракский — 1,8 млн) с использованием программного обеспечения AntConc 3.5.8 и библиотек Python spaCy. Ручная верификация тремя экспертами-лингвистами обеспечила межэкспертную надежность $\kappa = 0,847$. Статистический анализ включал критерий хи-квадрат с поправкой Бонферрони.

Результаты. Российский дискурс эволюционировал от индустриально-милитаристских метафор через органическо-медицинские образы к архитектурно-техническим концептам, демонстрируя рационализационные паттерны ($\chi^2 = 47,23$, $p < 0,001$). Иракский дискурс трансформировался от религиозно-исторических через военно-героические к конфессионально-племенным метафорам, проявляя фрагментационные паттерны ($\chi^2 = 52,91$, $p < 0,001$). Выявлены четыре основные функции метафор: легитимационная, мобилизационная, идентификационная, делегитимационная.

Выводы. Метафорические системы демонстрируют универсальные паттерны трансформации в переходные периоды при сохранении культурно-специфических особенностей. Российский дискурс тяготеет к технико-административным образам, отражая тенденции рационализации; иракский — к генеалогическо-религиозным связям, отражая структуры традиционной власти.

ABSTRACT

Political metaphorical systems undergo systematic transformations during periods of radical socio-political change, yet comparative analysis across different linguocultural contexts remains limited.

The aim is to identify functional and socio-cognitive features of metaphorical constructions used to conceptualise power, statehood, and social change in Russian and Iraqi political discourse during transitional periods of the late 20th and early 21st centuries.

Materials and Methods. Corpus analysis of 4.3 million words of political texts (Russian corpus: 2.5 million, Iraqi corpus: 1.8 million) using AntConc 3.5.8 software and Python spaCy libraries. Manual verification by three expert linguists achieved inter-rater reliability $\kappa = 0.847$. Statistical analysis employed chi-square tests with Bonferroni correction.

Results. Russian discourse evolved from industrial-militaristic metaphors through organic-medical imagery to architectural-technical concepts, demonstrating rationalization patterns ($\chi^2 = 47.23$, $p < 0.001$). Iraqi discourse transformed from religious-historical through military-heroic to confessional-tribal metaphors, manifesting fragmentation patterns (χ^2

= 52.91, $p < 0.001$). Four primary metaphorical functions emerged: legitimization, mobilization, identification, and delegitimation.

Conclusions. Metaphorical systems demonstrate universal transformation patterns during transitional periods while maintaining culture-specific characteristics. Russian discourse gravitates towards technical-administrative imagery, reflecting rationalisation tendencies, while Iraqi discourse emphasises genealogical-religious connections, reflecting traditional authority structures.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический дискурс, когнитивная стилистика, сравнительная лингвистика, кросс-культурный анализ

Keywords: conceptual metaphor, political discourse, cognitive stylistics, comparative linguistics, cross-cultural analysis

Введение

Метафорические образы в политическом дискурсе представляют собой фундаментальные когнитивные инструменты концептуализации политической реальности. В периоды радикальных социально-политических трансформаций метафорические системы подвергаются существенной реконструкции, отражая изменения концептуальных основ политической культуры [12]. Это явление приобретает особую значимость при анализе переходных обществ, где смена политических режимов сопровождается трансформацией дискурсивных практик.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью понимания функциональных механизмов метафорических систем в транзитивных обществах, что имеет особое значение для современной политической лингвистики. Изучение когнитивно-стилистических особенностей политических метафор позволяет выявить глубинные структуры, определяющие восприятие власти и социальных изменений в различных лингвокультурных контекстах. При этом сравнительный анализ России и Ирака представляет особый интерес ввиду схожести темпоральных характеристик их политических трансформаций при существенных различиях в культурно-исторических траекториях развития.

Объектом исследования являются метафорические конструкции в российском и иракском политическом дискурсе 1990–2020 годов. Предметом исследования выступают когнитивно-стилистические характеристики метафорических образов, их семантическая структура и функциональные особенности в условиях политических трансформаций.

Теоретическую основу составляют концепции когнитивной лингвистики [11], теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона [12], а также критический дискурс-анализ в традиции ван Дейка [14]. Исследование опирается на достижения российской школы политической метафорологии [8; 1] и современные работы в области кросс-культурного анализа метафор [9; 13].

Анализ существующих исследований выявляет закономерности трансформации политических метафор в условиях системных социально-политических изменений. Эти закономерности характеризуются трехэтапной динамикой: деконструкция доминирующих метафорических систем предшествующего режима, реконфигурация через интенсивное использование органических и медицинских метафор

для осмысления кризисных процессов, и, наконец, кристаллизация новых устойчивых метафорических парадигм.

Ключевым наблюдением является процесс культурно-специфической адаптации универсальных метафорических механизмов под влиянием исторических, религиозных и социальных факторов. Данный феномен объясняет, почему российский дискурс эволюционирует в направлении технократической рациональности, отражая европейские традиции административного управления, в то время как иракский дискурс развивается в сторону генеалогическо-религиозной дифференциации, отражая структуры традиционного арабо-исламского общества.

Материалы и методы

Для проведения исследования был сформирован корпус политических текстов общим объемом 4,3 миллиона словоупотреблений, охватывающий период 1990–2020 годов. Российская часть корпуса (2,5 млн словоупотреблений) структурирована следующим образом: официальные документы — 32 % (указы, постановления, программные документы правительства), политические выступления — 28 % (речи президента, премьер-министра, лидеров партий), партийные программы и предвыборные материалы — 18 %, медиатексты — 22 % (федеральные СМИ: «Российская газета», «Известия», «Коммерсантъ»).

Иракская часть корпуса (1,8 млн словоупотреблений) включает: официальные документы — 35 % (правительственные заявления, конституционные тексты, декреты), политические выступления — 31 % (речи президентов, премьер-министров, лидеров основных партий), партийные программы — 16 %, медиатексты — 18 % (государственные и частные издания: «Аль-Сабах», «Аль-Машрик», «Курдистан»).

Временное распределение корпуса: 1990–1999 (22 %), 2000–2009 (35 %), 2010–2020 (43 %), что отражает увеличение объема политической коммуникации в цифровую эпоху. Для обеспечения сопоставимости результатов каждый жанр был стратифицирован по временным периодам пропорционально общему распределению.

Критерии отбора источников включали в себя следующие параметры. Официальные документы отбирались по принципу государственной значимости (конституционные акты, стратегические программы); политические выступления включали только публичные речи высших должностных лиц продолжи-

тельностью не менее 15 минут; медиатексты представлены материалами федерального / национального уровня с тиражом свыше 100 тыс. экземпляров.

Предварительный анализ показал жанровую специфику метафорических доменов. Официальные документы демонстрируют повышенную частотность архитектурных метафор (российские +7 %, иракские +5 % относительно среднего), политические выступления характеризуются преобладанием органических образов (+4 % и +6 % соответственно), медиатексты отличаются увеличенной долей конфликтных метафор (+8 % и +12 %). Данная жанровая вариация учитывалась при расчете агрегированных показателей через взвешивание по пропорциональной представленности жанров.

Методология корпусного анализа включала в себя автоматическое выявление метафорических выражений с использованием программного обеспечения AntConc 3.5.8 и специализированных скриптов Python с библиотекой spaCy 3.4.0. Поисковые паттерны ориентировались на концептуальные проекции согласно установленным процедурам идентификации метафор. Ручная верификация результатов проводилась тремя экспертами-лингвистами (два специалиста по русскому языку, один по арабскому), что обеспечило межэкспертную надежность $k = 0,847$.

Статистический анализ предусматривал применение критерия хи-квадрат для исследования ассоциаций между типом дискурса и частотностью метафор с поправкой Бонферрони для множественных сравнений ($\alpha = 0,0125$). Размеры эффекта рассчитывались с использованием V Крамера. Качественный анализ включал детальное исследование семантической структуры ключевых метафорических выражений, выявление культурно-специфических особенностей образных систем, анализ прагматических функций метафор в различных коммуникативных контекстах.

Результаты и обсуждение

Эволюция метафорических систем в российском политическом дискурсе

Анализ российского политического дискурса выявил последовательную эволюцию доминирующих метафорических моделей на протяжении исследуемого периода. Политический дискурс советского периода характеризовался преобладанием индустриальных и милитаристских метафор. Центральной была концептуализация общества как единого механизма: «винтик государственной машины», «шестеренка системы». Систематически использовались метафоры строительства: «строительство коммунизма», «фундамент социализма», «здание новой жизни». Милитаристские метафоры пронизывали все сферы общественной жизни: «трудовой фронт», «битва за урожай», «борьба за план».

Перестроечный период (1985–1991) характеризуется доминированием органических метафор. Ключевой стала концептуализация общества как «большого организма»: «болезни застоя», «оздоров-

ление экономики», «лечение общества». Параллельно развивались метафоры возрождения, использующие образы пробуждения природы и смены времен года: «весна перестройки», «пробуждение общества», «ростки нового», «цветение демократии». Подобная стилистика создавала оптимистический образ грядущих преобразований, хотя впоследствии оказалась не вполне соответствующей реальности политических процессов.

Политический дискурс 1990-х годов отмечен доминированием архитектурных метафор, концептуализирующих процесс государственного строительства в новых условиях. Центральной становится метафора «строительства нового государства», предполагающая создание политической системы практически с нуля. Характерными примерами служат выражения «фундамент демократии», «здание правового государства», «конституционная основа», «политический каркас». Данные метафоры подчеркивали необходимость создания прочных институциональных основ новой политической системы, хотя реальные процессы часто противоречили этой риторике.

Политический дискурс 2000–2020 годов характеризуется синтезом различных метафорических моделей, объединенных общей темой восстановления и укрепления государственности. Доминирующими становятся метафоры стабилизации и укрепления, использующие образы строительного мастерства и реставрации. Ключевой метафорой выступает концептуализация государства как исторического здания, требующего бережного восстановления: «восстановление величия России», «укрепление государственности», «реставрация традиций», «возрождение мощи». Данная метафорика подчеркивает преемственность с историческим прошлым России, создавая образ непрерывности государственной традиции.

Трансформации метафорических систем в иракском политическом дискурсе

Анализ иракского политического дискурса обнаруживает иную траекторию развития, существенно отличающуюся от российской. Политический дискурс Ирака периода правления партии Баас (1968–2003) отличался систематическим использованием религиозно-исторических метафор, апеллирующих к славному прошлому арабской цивилизации. Центральной метафорической моделью выступала концептуализация современного Ирака как наследника великих исламских империй прошлого. Характерными примерами служат метафоры, сравнивающие Саддама Хусейна с великими правителями прошлого: «новый Навуходоносор», «лев арабов», «меч ислама». Данные образы создавали ореол исторического величия вокруг фигуры правителя, легитимируя его власть через апелляцию к славным традициям.

Во время военных конфликтов (1980–2003) политический дискурс Ирака приобретает ярко выраженный милитаристский характер. Доминирующими становятся метафоры героической борьбы и военной доблести. Ключевой метафорой данного периода выступает концептуализация войны как «второй Кадисии» – отсылка к знаменитой битве 636 года, в которой арабы разгромили персидскую империю

Сасанидов. Данная метафора придавала современному конфликту историческое измерение, представляя его как продолжение вековой борьбы между арабами и персами, что особенно актуализировалось в контексте ирано-иракской войны.

После свержения режима Саддама Хусейна в 2003 году политический дискурс Ирака претерпевает кардинальные изменения. Доминирующими становятся метафоры разрушения, хаоса и постепенного восстановления, отражающие трагическую реальность постконфликтного общества. Ключевой метафорической моделью выступает концептуализация Ирака как разрушенного дома, требующего восстановления: «разрушенная страна», «восстановление отечества», «залечивание ран», «возрождение из пепла». Эти метафоры отражают не только физические разрушения, но и глубокий кризис национальной идентичности.

Политический дискурс современного Ирака (2010–2020) отмечен усилением конфессиональных и племенных метафор, отражающих фрагментацию иракского общества по религиозному и этническому признакам. Различные политические силы используют специфические метафорические системы для мобилизации своих сторонников. Шиитский политический дискурс активно использует метафоры мученичества и справедливости: «потомки мучеников», «наследники справедливости», «защитники угнетенных». Суннитский дискурс апеллирует к метафорам традиционного авторитета и законности: «хранители традиций», «столпы религии», «защитники сунны». Курдский политический дискурс развивает метафоры национального возрождения и самоопределения: «орлы Курдистана», «наследники Салахуддина», «хранители гор».

Количественный анализ метафорических доменов

Количественный анализ обнаруживает характерные различия в распределении метафорических доменов между российским и иракским дискурсами. Российский дискурс тяготеет к техническим и архитектурным образам, которые в совокупности составляют более двух пятых всех метафорических выражений (41 %), что свидетельствует о рационализационной направленности политического мышления. Иракский дискурс демонстрирует выраженную концентрацию вокруг религиозных и родственных метафор, совместная доля которых превышает половину всех образных выражений (52 %), отражая традиционалистскую ориентацию политической культуры.

Особенно показательной является асимметрия в использовании религиозной образности: если в иракских текстах религиозные метафоры встречаются почти в каждом третьем случае (31 %), то в российских — менее чем в каждом четырнадцатом (7 %). Данное соотношение отражает различную роль сакрального в политическом дискурсе двух обществ. Обратная тенденция наблюдается в сфере технических метафор: российские тексты используют их втрое чаще иракских (21 % против 7 %), что указывает на технократические приоритеты в концептуализации политических процессов.

Интерпретация практической значимости статистических различий

Выявленные статистические различия обладают субстантивным смыслом для понимания когнитивных механизмов политической коммуникации. 24-процентная разница между частотностью религиозных метафор в иракском (31 %) и российском (7 %) дискурсах означает, что в выборке из 1000 метафорических выражений иракский текст содержит на 240 религиозных метафор больше, чем российский. В практических терминах это означает, что каждый абзац иракского политического текста в среднем содержит 2–3 религиозно окрашенных образа против менее, чем одного в российском тексте.

Индекс когнитивного приоритета (отношение доминирующего домена к среднему значению) составляет 1,48 для российского дискурса (технические метафоры) и 2,07 для иракского (религиозные метафоры), что указывает на более выраженную специализацию иракского политического мышления. Данные различия коррелируют с измерениями культурной дистанции Хофстеде: высокие значения индекса дистанции власти в Ираке (95 баллов против 93 в России) соответствуют преобладанию иерархических религиозно-генеалогических метафор, в то время как более высокие показатели индивидуализма в России объясняют диверсификацию метафорических стратегий.

Прагматические следствия данных различий проявляются в эффективности политической коммуникации: экспериментальные исследования показывают, что сообщения, содержащие культурно-релевантные метафоры, воспринимаются на 35–40 % более убедительными, чем нейтральные формулировки. Таким образом, 7-процентная разница в частотности архитектурных метафор между российским (19 %) и иракским (12 %) дискурсами отражает различную восприимчивость аудиторий к образам конструирования и планирования.

Функциональный анализ политических метафор

Функциональный анализ позволил выделить четыре основные функции политических метафор с количественной оценкой их выраженности в обоих дискурсах.

Легитимационная функция в российском дискурсе реализуется преимущественно через метафоры компетентности («управленческие технологии», «политическая инженерия») с частотностью 18,5 %, в то время как в иракском контексте она осуществляется через метафоры традиционного авторитета («божественное предназначение», «историческая миссия») с частотностью 28,3 %. Эта разница отражает различные источники политической легитимности в двух культурах: рациональную компетентность в России и традиционный авторитет в Ираке.

Мобилизационная функция доминирует в российском контексте (31,2 %) через образы коллективного труда и общенационального проекта, в то время как в иракском контексте она составляет 19,7 % и реализуется преимущественно через метафоры священной войны и религиозного долга. Это

различие объясняется советским наследием массовой мобилизации в России и более фрагментированной структурой иракского общества.

Идентификационная функция преобладает в иракском дискурсе (35,8 %) через образы родства и религиозной принадлежности («сыны племени», «братья по вере»), в то время как в российском дискурсе она достигает 22,1 % посредством метафор гражданской солидарности («общий дом», «единая семья народов»). Преобладание идентификационной функции в иракском дискурсе отражает первостепенную важность групповой идентичности в условиях фрагментированного общества.

Делегитимационная функция демонстрирует относительно сходные показатели: 28,2 % в российском дискурсе (где доминируют медицинские метафоры по отношению к внешним угрозам: «болезнь западничества», «вирус революции») и 16,2 % в иракском (где преобладают религиозные метафоры борьбы добра и зла: «силы тьмы», «враги веры»).

Сравнительный анализ устойчивости метафорических элементов

Сравнительный анализ выявил различную степень устойчивости метафорических элементов в двух традициях политического дискурса. В российском дискурсе наблюдается высокая устойчивость пространственных метафор (центр – периферия, верх – низ, внутреннее – внешнее), отражающих константы российского политического мышления, укорененные в имперской традиции. Одновременно происходят радикальные изменения в темпоральных и деятельностных метафорах, что свидетельствует о переосмыслении исторической траектории и целей политического развития.

Иракский дискурс демонстрирует высокую устойчивость генеалогических и религиозных метафор при значительной изменчивости политических и государственных образов. Это отражает доминирование традиционных социальных структур (племенных и конфессиональных) над современными политическими институтами. Даже радикальные политические изменения не затрагивают глубинных паттернов концептуализации социальных отношений через призму родства и религиозной принадлежности.

Механизмы метафорического творчества

Анализ механизмов метафорического творчества выявил различные стратегии языковой креативности в политическом дискурсе двух стран.

Российский политический дискурс демонстрирует тенденцию к комбинированию различных концептуальных доменов, создавая сложные метафорические комплексы типа «архитектура безопасности», «дорожная карта реформ», «мост между традицией и модернизацией». Такой подход отражает стремление к синтезу различных аспектов политической реальности в рамках единой концептуальной схемы.

Иракский дискурс тяготеет к персонификации абстрактных политических концептов через использование генеалогических метафор типа «дочери революции», «сыны сопротивления», «братья по борьбе»,

«отцы нации». Данная стратегия отражает стремление придать абстрактным политическим концептам конкретность и эмоциональную насыщенность через обращение к фундаментальным социальным отношениям родства, которые составляют основу традиционного общества.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд существенных выводов теоретического и практического характера.

Установлено, что метафорические системы политического дискурса представляют собой динамичные когнитивные структуры, претерпевающие кардинальные изменения в периоды социально-политических трансформаций. Эволюция образных систем отражает более глубокие процессы изменения концептуальных основ политической культуры общества.

Сравнительный анализ выявил как универсальные закономерности трансформации политических метафор (интенсивное использование органических образов в переходные периоды, доминирование конфликтных метафор в условиях нестабильности), так и культурно-специфические особенности (тяготение к техническим метафорам в России, к религиозным – в Ираке).

Российский политический дискурс демонстрирует эволюцию от индустриально-милитаристских образов советского периода через органическо-медицинские метафоры переходного времени к архитектурно-техническим образам современности, отражая общую тенденцию рационализации политического мышления.

Иракский дискурс характеризуется движением от религиозно-исторических метафор периода Баас посредством военно-героических образов конфликтных лет к фрагментированным конфессионально-племенным метафорам современности, отражая процессы дезинтеграции централизованного государства и актуализации традиционных идентичностей.

Функциональный анализ выявил различные стратегии использования метафорических систем в политической коммуникации: легитимационную, мобилизационную, идентификационную, делегитимационную. В российском контексте доминирует мобилизационная функция через образы технической компетентности и коллективного проекта, в иракском – идентификационная через генеалогическо-религиозные связи и конфессиональную принадлежность.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении закономерностей трансформации политических метафор в транзитивных обществах через трехэтапную динамику изменений и обосновании механизма культурно-специфической адаптации универсальных когнитивных структур под влиянием цивилизационных факторов. Исследование расширяет теорию концептуальной метафоры, демонстрируя различные пути развития метафорических систем в зависимости от культурно-исторического контекста. Предложенная типология

адаптационных стратегий создает основу для прогнозирования метафорических трансформаций в других переходных обществах.

Методологическим вкладом является разработка комплексной модели сравнительного анализа политических метафор в неродственных языках с учетом переводческих ограничений и культурных различий. Созданные процедуры корпусного анализа и статистической верификации межкультурных сравнений могут быть адаптированы для исследования других языковых пар в различных дискурсивных сферах.

Практическая ценность работы заключается в создании основы для оптимизации кросс-культурной политической коммуникации через понимание метафорических предпочтений различных культур. Выявленные закономерности позволяют прогнозировать эффективность политических сообщений в зависимости от культурного контекста: для российской аудитории рекомендуется использование технико-административных образов, подчеркивающих рациональность и системность; для иракской аудитории предпочтительны генеалогическо-религиозные метафоры, апеллирующие к традиционным ценностям и групповой идентичности.

Результаты исследования могут применяться в дипломатической практике для адаптации переговорных стратегий с учетом различной функциональной направленности метафорических систем. Понимание мобилизационной ориентации российского дискурса и идентификационного характера иракского способствует выстраиванию более эффективных коммуникативных стратегий в двустороннем диалоге. Кроме того, мониторинг метафорических трансформаций в публичном дискурсе может служить индикатором политической нестабильности, поскольку интенсификация органических и медицинских образов сигнализирует о восприятии кризисных процессов в обществе.

Исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения метафорических систем в различных культурных и политических контекстах, разработки более совершенных методов анализа образных структур политического дискурса, создания прогностических моделей эволюции политической метафоры в транзитивных обществах. Особый интерес представляет расширение сравнительного анализа на другие переходные общества (страны постсоветского пространства, арабского мира, Латинской Америки) для выявления универсальных паттернов и региональных особенностей метафорических трансформаций.

Список литературы:

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: достижения и перспективы. — 2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dialogue-conf.org/media/2607/baranov.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).
2. Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи. — Т. 6. — М., Политиздат, 1978. — С. 577–598.
3. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М.: Политиздат, 1988. — 271 с.
4. Ельцин Yeltsin, B. N., 1993. Rossiia: chelovek, sem'ia, obshchestvo, gosudarstvo [Russia: person, family, society, state]. Moscow: Respublika. (In Russian)
5. Материалы XXVI съезда КПСС, 1981. Москва: Политиздат, 1982. — 293 с.
6. Путин В.В. 2007. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 19.11.2025).
7. Рябова Т. Б., 2019. Метафорические модели современного российского политического дискурса // Политическая лингвистика, 3, с. 132–148.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001. — 238 с.
9. Chilton P. Language, space and mind: The conceptual geometry of linguistic meaning. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
10. Hussein S. The Revolution and Women in Iraq. Baghdad: Translation and Publishing House: Revolution Publications, 1979.
11. Kövecses Z. Extended conceptual metaphor theory. — Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago: University of Chicago Press, 2003.
13. Musolff A. Political metaphor analysis: Discourse and scenarios. — London: Bloomsbury Academic, 2020. — 283 p.
14. van Dijk, T. A., 2018. Discourse and power. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

DOI - 10.32743/UniPhil.2025.138.12.21409

РОЛЬ ЖЕСТОВ И ПАНТОМИМЫ С ПОЯВЛЕНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ

Амирова Севда

*преподаватель кафедры Гуманитарных наук,
Азербайджанского Государственного
Университета Нефти и Промышленности
Азербайджан, г. Баку
E-mail: hseva@list.ru*

THE ROLE OF GESTURES AND PANTOMIME WITH THE APPEARANCE OF HUMAN SPEECH.

Amirova Sevda

*Lecturer,
Department of Humanities,
Azerbaijan State University of Oil and Industry,
Azerbaijan, Baku*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль жестов и пантомимы в человеческом общении после возникновения речи. Возникновение человеческой речи стало одним из важнейших этапов в развитии человечества. Однако прежде, чем люди научились выражать свои мысли с помощью слов, основным средством общения служили жесты, мимика и пантомима. Эти невербальные формы коммуникации позволяли передавать эмоции, желания и намерения, обеспечивая взаимопонимание в ранних человеческих сообществах. С появлением речи роль жестов и пантомимы не исчезла, а напротив, приобрела новые функции - они стали неотъемлемой частью устного общения, помогая подчеркнуть смысл высказывания, выразить эмоциональное состояние и усилить воздействие речи. Изучение роли жестов и пантомимы в процессе становления и развития речи имеет важное значение для понимания эволюции человеческого общения, культуры и мышления.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий сравнительно-исторический, описательный, эмпирический, историко-эволюционный, а также аналитический методы. Основное внимание уделено анализу теоретических трудов В. Вунда, Ч. Дарвина, Б.В. Якушина,

Н. Хомского по антропологии, лингвистике и психологии общения, посвященных происхождению языка и развитию невербальных форм коммуникации.

ABSTRACT

The article examines the role of gestures and pantomime in human communication after the emergence of speech. The development of human speech became one of the most important stages in the evolution of humankind. However, before people learned to express their thoughts with words, the main means of communication were gestures, facial expressions, and pantomime. These nonverbal forms of communication made it possible to convey emotions, desires, and intentions, ensuring mutual understanding in early human communities. With the emergence of speech, the role of gestures and pantomime did not disappear; on the contrary, they acquired new functions – becoming an integral part of verbal communication, helping to emphasize meaning, express emotional states, and enhance the impact of speech. Studying the role of gestures and pantomime in the formation and development of speech is essential for understanding the evolution of human communication, culture, and thinking.

The methodological basis of the research is a comprehensive approach that includes comparative-historical, descriptive, empirical, methods. The main focus is places on the analysis of theoretical works by W.Wundt, C.Darwin, B.V.Yakushin and N. Chomsky in the fields of anthropology, linguistics, and communication psychology, devoted to the origin of language and the development of nonverbal forms communication.

Ключевые слова: кинесика, невербальная коммуникация, жесты, пантомима, язык членораздельная речь, общение, речь, эмоции, звуки

Keywords: kenesics, nonverbal communication, gestures, pantomime, articulate language, communication, speech, emotions, sounds

Проблема происхождения языка является одной из самых древних и сложных в науке. С древности

философы, лингвисты и антропологи пытались объяснить, как возникла способность человека к речи. Несмотря на множество гипотез, единого мнения

не существует и сегодня. Рассмотрим основные теории происхождения языка и проведём сравнительный анализ.

Таблица 1.

Сравнительный анализ теории происхождения языка

№	Теория	Основная идея	Представители	Аргументы «за»	Аргументы «против»
1	Жестовая теория	Язык возник из системы жестов и мимики.	В.Вундт, Г.Хьюитт, А.Кендон	Подтверждается наблюдениями за приматами; связь речи и жестов у человека.	Не объясняет переход от жестов к звукам.
2	Звукоподражательная теория	Речь возникла из подражания звукам природы.	Д.Гердер, Э.Ренан	Есть примеры звукоподражательных слов.	Ограниченный круг явлений, не объясняет абстрактные.
3	Социальная (трудовая) теория	Речь возникла в процессе совместного труда.	К.Маркс, Ф.Энгельс	Подчеркивает социальную природу языка	Недостаточно данных о ранних трудовых сигналах.
4	Религиозная теория	Язык - божественный дар.	Древние философы, богословы	Объясняет уникальность языка	Не имеет научных доказательств.
5	Эволюционная (биологическая)	Язык - результат биологической эволюции мозга.	Ч.Дарвин, Н. Хомский	Опирается на анатомические и нейролингвистические данные.	Недостаточно археологических подтверждений.

Каждая теория происхождения языка отражает определённый аспект этого сложного процесса – биологический, психологический, социальный и культурный. Вероятнее всего, язык возник не одномоментно, а как результат взаимодействия множества факторов: развитие мозга, трудовой деятельности, потребности в общении и символическом мышлении. Современные учёные склоняются к интегративной (комплексной) теории, объединяющей элементы нескольких подходов.

Учёные из различных областей отмечают особую роль «кинестического языка» – системы жестов и выразительных движений, сыгравшая важную роль в формировании человеческого сознания и развития звуковой речи. Идея о том, что жесты имели отношение к зарождению человеческой коммуникации, рассматривалась исследователями, придерживающимися различных концепций происхождения речи. С момента своего появления человек испытывал потребность в общении. В мире общения язык тела занимает уникальное место, являясь основополагающим элементом невербальной коммуникации. Элементы языка тела – это не просто движения и жесты, это целый язык, который позволяет человеку выражать свои чувства и мысли, не произнося ни слова. [6]

До возникновения слов и членораздельной речи, тело служило основным средством передачи сообщений. Жесты, мимика и пантомимы представляли собой первый способ коммуникации, позволявший передавать эмоции, сигнализировать об угрозе и многое другое. Эти невербальные формы общения

стали основой для последующего развития человеческой речи.

Американский лингвист Ноам Хомский считал, что жесты могут помогать в общении, но язык возник не из жестов, а из внутренних когнитивных структур мозга, присущих только человеку.

Немецкий философ и психолог Вильгельм Вундт полагал, что изначально существовали два типа языковых систем: система звуков – физические действия языка и губ, и система жестов – движение рук, головы, тела и лицевых мышц. Звуки использовались для выражения чувств и эмоционального состояния, а жесты – для обозначения предметов, отражения воли человека. [3, с.24]

По мнению немецкого исследователя языка Леопольда Гейгера, визуальное восприятие, особенно связанное с движением тела, является фундаментом формирования языковой системы. Наблюдая за собеседником, человек мог легко замечать выражение его лица во время произнесения различных звуков, каждый из которых сопровождался определённым жестом. Постепенно, по мере развития языка, звук отрывался от мимики и начал самостоятельно отражать окружающую действительность.

Французский философ Жан-Жак Руссо писал: “Язык первых людей, был не языком геометров, как обычно думают, а языком поэтов”, так как “страсти вызвали первые звуки голоса”. Звуки служили первоначально символами предметов, действующих на слух; предметы, воспринимаемые зрением, изображались жестами. Однако это было неудобно, и они стали заменяться звуками-предложениями;

увеличение количества издаваемых звуков вело к совершенствованию органов речи. [7, с.6]

Чарльз Дарвин в своём труде «О выражении чувств у человека и животных» отмечал сходство между человеческой жестикуляцией и мимикой и экспрессивными движениями представителей животного мира. [5, с.27]

Жестикуляция – явление историческое и социальное. Ещё древние греки и римляне высоко ценили искусство жестикуляции. Жестикуляция была не только в выступлениях актёров-миров, но и в ораторском искусстве, где руки переплетаясь со словом, выражают чувства, переживания, помогая слову наиболее убедительно выражать мысли и чувства.

Человек прошёл длительный эволюционный путь, в ходе которого звуковой язык совершенствуется, а язык жестов начинает играть все более и более вспомогательную роль. Жесты становятся менее удобными, чем звуки, потому то ночью их не разглядеть,

также нельзя жестикулировать, когда руки заняты работой. Звуковые сигналы могли совершенствоваться как за счёт дифференциации звука, так и за счёт сложения звуковых сигналов. Следует отметить, что благодаря эволюции человек сформировал в себя потребность улавливать связь между восприятием и реакцией, которая обеспечила ему выживаемость во враждебном мире. [4]

В таблице 2 показано эволюция жестовых систем в человеческом общении – от примитивных форм до современных. Приведённый анализ показывает, что жесты сыграли ключевую роль в формировании человеческой речи и сознания.

Эволюция жестовых форм постепенно подготовила почву для появления звукового языка, обеспечивая переход от наглядно-действенного к абстрактному мышлению.

Таблица 2.

Эволюция жестовых систем

№	Этап	Время (приблизительно)	Основные формы общения	Характеристика жестовой системы	Значение для развития языка
1	Доречевой период	2–1,5 млн лет назад	Жесты, мимика, пантомима	Основное средство общения между членами группы; передача эмоций и действий	Формирование символических жестов – основа будущей коммуникации
2	Протоязык	1 млн. – 200 тыс. лет назад	Жесты + звуки	Комбинирование движений с простыми звуками	Развитие способности связывать знак и значение
3	Ранняя речь	200–50 тыс. лет назад	Речь + жесты	Жесты становятся вспомогательными.	Укрепление синтаксической структуры речи.
4	Современный человек	50 тыс. лет назад – настоящее время	Речь, мимика, пантомима	Жесты играют роль невербального дополнения	Поддержание эмоционального и культурного контекста общения

На возникновение членораздельной речи большое влияние оказала пантомима. Искусство пантомимы восходит к глубокой древности, и являлось средством передачи мысли.

Пантомима – одна из древних форм художественного творчества человека. Своё начало она берёт в древнегреческих мимах. В играх и ритуальных церемониях первобытного человека, когда он подражал животным или перевоплощался в образы героев, богов пытаясь воспроизводить события с помощью жестов, мимики и плясок присутствовали элементы пантомимы, которые воспринимались с большим эмоциональным волнением, отражая радость, отчаяние, ужас и т. п. Пантомима сопровождалась членораздельными звуками. Пантомима – это язык тела, в котором используются движения, позы и выражения

лица. С помощью пантомимы можно было рассказывать целые истории без единого слова. Например, охотник мог показать, как он добыл добычу, изображая это движениями.

Русский учёный Б.В. Якушин считал, что именно пантомима была "первым подлинно человеческим средством передачи информации". Пантомима помогала передавать информацию, развивала воображение и способность к символическому мышлению, что впоследствии стало основной речи. [8, с.24]

Как мы знаем, общение есть сложный процесс взаимодействия между людьми, где происходит обмен информацией, а также в восприятии и понимании партнёрами друг друга. Субъектами общения являются живые существа, люди. В принципе общение характерно для всех живых существ, но лишь

на уровне человека процесс общения становится осознанным, связанным с вербальными и невербальными актами. [1, с.12]

Интерес к языку жестов в античной культуре тесно связан с риторикой и ораторским искусством. Во время выступления перед публикой большое значение имел голос, жесты и мимика. Как известно, в те времена существовал свод правил, описывающий все позы тела и их значения.

Во времена средневековья вопрос передачи информации без слов оставался актуальным, ведь культура того времени во многом базировалась на так называемой "культуре жеста". Подтверждением тому служит труд римского философа Цицерона «Об ораторе», где он давал рекомендации ораторам касательно правильной жестикуляции. В эпоху Средневековья язык тела был столь же важен, как и речь, поэтому получил название «язык жестов». Положение и движения тела имели большое значение в общественной жизни.

Джованни Банфации в своей работе «О языке чувств» выдвигал идею о существовании универсального языка жестов, доступного для понимания всеми народами. Он рекомендовал европейцам использовать этот язык при ведении торговых дел. Итальянский мыслитель Жан батиста дела Порта в своём труде «О небесной физиогномике» исследовал возможность определения характера человека по его внешним чертам. Согласно его теории, такие параметры, как размер и форма рта и ушей, цвет волос и глаз, указывают на наличие определённых качеств, например, трудолюбия или лени, интеллекта или глупости, что подразумевает невозможность изменения собственной сущности.

По мнению французского историка и философа Марка Блока, в феодальном обществе ритуалы проявлялись скорее в движениях тела, нежели в речи. Простой жест мог обладать сакральной и правовой значимостью. Жесты выполняли две главные роли: во-первых, демонстрировали социальный статус и место в иерархии, а во-вторых, каждый из них был наполнен собственным смыслом и зависел от конкретной ситуации. Это касалось как торжественных действий – коронаций, бракосочетаний, церковных служб, так и обыденных ситуаций. К примеру, перекреститься перед едой, рукопожатие при приветствии или прощании, положить руку на грудь в знак благодарности, уважения или покорности. [2, с.34]

Жесты и пантомима играли ключевую роль в эволюции человеческого общения, предшествуя появлению речевого языка и оставаясь важными элементами невербальной коммуникации.

В наше время роль жестов и пантомимы остаётся актуальной. Они помогают подчеркнуть смысл сказанного, выразить эмоции и поддерживать контакт между собеседниками. Кроме того, жесты становятся универсальным способом общения между людьми, говорящими на разных языках. Улыбка, кивок головы, поднятая бровь, все это примеры того, как древние формы коммуникации продолжают жить и сегодня.

Таким образом, жесты и пантомима сыграли важную роль в становлении человеческой речи. Они были первым способом передачи мыслей и чувств, подготовив путь к появлению слов. Даже в современном обществе невербальные формы общения остаются неотъемлемой частью человеческой культуры, напоминая нам о наших древних корнях и о том, что язык тела универсален и понятен каждому.

Список литературы:

1. Биркенбил В. Язык интонации, мимика, жестов. - М. :Альпина, 1997- 240 с.
2. Блок М. Феодальное общество. – М.: Сабашниковы, 2003. – 480 с., с.34 https://royallib.com/book/blok_mark/feodalnoe_obshchestvo.html
3. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. Минск: Высшая школа 2003.- 256 с. 24
4. С.А. Гарькавец. Психология невербального общения: учебное пособие/ Северодонецк : Из-во «Петит», 2015 214 с.
5. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 200. – 384 с., стр. 27
6. Демиденко А. Язык тела 2.0: как невербальная коммуникация управляет миром.–М.:ЛитРес, 2025.–130 стр. <https://www.litres.ru/book/artem-demidenko/yazyk-tela-2-0-kak-neverbalnaya-kommunikaciya-upravlyayet-m-71544778/chitat-onlayn/>
7. Руссо Ж-Ж. Труды: в 2 т. - Т.1. – М.: Мысль, 1998 – 225 с. Page 6.
8. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. – М.: Наука, 1984.- 220 с., с.24

ЭФФЕКТИВНОЕ ОСВОЕНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЭКСКУРСОВОДОВ

Байлакай Онзагай Орлановна

магистрант кафедры иностранных языков,
Тувинский Государственный Университет,

РФ, г. Кызыл

E-mail: onzabbbb10@gmail.com

Байкалова Елена Дмитриевна

канд. пед. наук, доц. кафедры иностранных языков,
Тувинский Государственный Университет,

РФ, г. Кызыл

THE EFFECTIVE MASTERY OF TOPONYMIC VOCABULARY IN THE PROCESS OF DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCIES OF TOUR GUIDES

Bailakai Onzagai Orlanovna

Master's degree student of the department of foreign languages,
Tuvan State University,

Russia, Kyzyl

Baykalova Elena Dmitrievna

Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor of the department of foreign language,

Tuvan State University,

Russia, Kyzyl

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается потенциал названий географических объектов Республики Тыва как средства лингвокраеведческой подготовки экскурсоводов. Показано, что тувинская топонимия отражает многослойные языковые контакты (тувинский, монгольский, русский, китайский и др.), а потому требует от будущего гида развитой языковой и межкультурной компетенции. Особое внимание уделяется лексической структуре тувинских топонимов (цветообозначения, описательные и оценочные компоненты, «сакральная» лексика, геологические и геоморфологические термины) и их функционированию в экскурсионном дискурсе. На конкретных примерах (Бай-Тайга, Ак-Хем, Монгун-Тайга, Улуг-Хем и др.) анализируются трудности произношения, транскрипции и перевода названий для русско- и англоязычной аудитории. Обосновывается необходимость целенаправленной работы с иноязычной лексикой: заимствованными словами тюркского, монгольского происхождения, а также английскими терминами международного туризма.

ABSTRACT

The article examines the potential of geographical names of the Republic of Tuva as a tool for training tour guides in regional linguistic and cultural studies. Tuvan toponymy reflects multilayered language contacts (Tuvan, Mongolic, Russian, Chinese and others) and therefore requires well-developed linguistic and intercultural competence from future guides. Special attention is paid to the lexical structure of Tuvan toponyms (colour terms, descriptive and evaluative components, "sacred" vocabulary, geological and geomorphological terms) and to their functioning in guided tour discourse. Using concrete examples (Bai-Taiga, Ak-Khem, Mongun-Taiga, Ulug-Khem, etc.), the paper analyses the difficulties of pronunciation, transcription and translation of place names for Russian- and English-speaking audiences. The author substantiates the need for systematic work with foreign lexical items: loanwords of Turkic and Mongolic origin, as well as English terms used in international tourism.

Ключевые слова: Тува, топонимия, географические названия, лексика, иноязычные слова, экскурсовод, профессиональная подготовка, лингвокраеведческая компетенция.

Keywords: Tuva, toponymy, geographical names, lexis, foreign words, tour guide, vocational training, regional linguistic and cultural competence.

Современная подготовка экскурсоводов требует не только знаний маршрута, исторических фактов и умения взаимодействовать с туристами, но и развитой лингвокраеведческой компетенции — способности передавать культурные смыслы через язык. В Республике Тыва эта задача приобретает особое значение, поскольку регион отличается богатой и уникальной топонимией, в которой сплетаются тюркские, монгольские, русские и китайские языковые влияния [1].

Тувинская топонимия — это не просто система названий, а отражение менталитета и картины мира местного населения [2]. Для экскурсовода владение этой лексикой позволяет не только корректно произносить и объяснять географические имена, но и превращать их в выразительное средство повествования, создавая атмосферу погружения в культуру Тувы.

Территория Республики Тыва характеризуется высокой топонимической плотностью. Здесь встречаются названия, отражающие цветовые признаки (*Ак-Хем* — «белая река», *Кара-Хем* — «чёрная река»), оценочные характеристики (*Бай-Тайга* — «богатая тайга», *Улуг-Хем* — «великая река»), а также сакральные имена (*Монгун-Тайга* — «серебряная гора», священная для тувинцев) [14; 17].

В каждом из этих названий присутствует элемент базовой лексики тувинского языка — *хем* («река»), *холь* («озеро»), *тайга* («лес, гора»), *ак* («белый»), *кара* («чёрный»), *улаг* («великий»), *бай* («богатый») [13]. Эти слова составляют основу для формирования у экскурсовода лингвистического «фонда» комментариев о местности.

По данным исследований Л. К. Аракчаа, священные географические объекты Тувы несут в себе глубокую этнокультурную символику: гора может быть воплощением духа-хранителя, река — женского начала, а цвет в названии — указанием на сакральное значение объекта [2]. Для экскурсовода это означает необходимость уметь передать не только буквальное значение слова, но и скрытый культурный контекст.

Многие тувинские топонимы сложны для произношения туристами. Например, сочетания *Чаа-Холь* («новое озеро»), *Сут-Холь* («молочное озеро»), *Кызыл-Хая* («красная скала») требуют фонетической адаптации при переводе и транскрипции на иностранные языки [10]. Поэтому в обучении гидов важно включать фонетические тренировки, направленные на правильное произношение и пояснение названий.

Лексическая структура тувинских географических названий отражает особенности традиционного мировосприятия. Анализ показывает, что более 60% топонимов региона имеют мотивированное происхождение и содержат описательные элементы [18].

Цветовая семантика — одна из наиболее ярких черт тувинской топонимии. Названия *Ак-Хем*, *Кара-Хем*, *Кызыл-Тайга* относятся к категории визуально-оценочных топонимов. Цвет не только описывает внешний облик объекта, но и выполняет

символическую функцию: белый — чистота, святость; чёрный — глубина, опасность; красный — энергия, солнце [18].

Для экскурсовода умение объяснить эти ассоциации усиливает культурный эффект рассказа. Например, пояснение:

«Название реки Ак-Хем — 'белая река' — связано с тем, что её вода, вытекающая из ледников, имеет характерный молочно-белый оттенок».

Такие комментарии делают речь гида образной и познавательной.

Многие топонимы включают оценочные прилагательные: *Бай-Тайга* («богатая тайга»), *Улуг-Хем* («великая река»), *Монгун-Тайга* («снежная, серебряная гора»). Они показывают отношение носителей языка к объекту, выражая уважение и восхищение природой [14].

Лингвистический анализ показывает, что в таких словах отражается и мировоззрение народа: природа не рассматривается как ресурс, а как живое, одушевлённое существо [11]. Для экскурсовода важно подчеркнуть эту особенность при рассказе о ландшафтах Тувы.

Особая категория — «святые» топонимы, упомянутые в трудах Л. К. Аракчаа [2]. К ним относятся *Монгун-Тайга*, *Танда*, *Хемчик*, *Улуг-Хем*. Эти названия связаны с верой в духов местности и традицией почитания природных объектов.

При подготовке экскурсоводов рекомендуется вводить правила речевого этикета: не использовать фамильярных выражений, соблюдать уважительный тон при упоминании сакральных объектов, избегать прямых переводов, искажённых смыслами [5].

Современная экскурсионная деятельность предполагает работу с многоязычной аудиторией. В речи гида активно используются заимствования: тюркские, монгольские, а также англоязычные слова, связанные с международным туризмом (*eco-tour*, *guide service*, *ethnic tour* и др.) [12].

Тувинская топонимия также формировалась под влиянием языковых контактов. В ней присутствуют монгольские элементы (*сайр* — «ущелье», *гол* — «ручей»), русские кальки (например, «Красные горы» по образцу *Кызыл-Тайга*), а также тюркские слова, общие с казахским и алтайским языками [10].

При переводе на английский язык сохраняется двойной принцип:

- географические элементы (*river*, *mountain*, *lake*) переводятся;
- культурно значимые основы (*Ak*, *Khem*, *Taiga*) транслитерируются.

Например: *Ak-Khem River* — «Белая река», *Mongun-Taiga Mountain* — «Серебряная гора».

Такой подход позволяет сохранить национальную специфику и облегчает запоминание названий иностранными туристами [3].

Для профессиональной подготовки экскурсоводов рекомендуется включать в программу спецкурс по топонимической лексике и межъязыковой адаптации. Как отмечает Н. А. Балюк, гид должен уметь «работать с языком как с инструментом впечатле-

ния» [5]. Это особенно важно при объяснении значений сложных слов, таких как *Сут-Холь* («молочное озеро») или *Тере-Холь* («озеро Тере»), где скрытый образ требует разъяснения.

Эффективное освоение топонимической лексики возможно при использовании интегративного подхода: соединения языковых, культурных и профессиональных дисциплин. На основе исследований М. Ф. Булычёвой [8] и А. С. Ахметшиной [3] можно выделить три направления работы:

1. Лексико-семантический анализ. Студенты анализируют структуру названий, выделяя морфемы и их значения. Например, *Ак* — «белый», *Хем* — «река».

2. Переводческие тренировки. Отрабатываются варианты перевода топонимов на английский язык с сохранением культурного колорита. Преподаватель акцентирует внимание на том, какие элементы переводить, а какие транслитерировать.

3. Коммуникативные упражнения. Будущие гиды учатся включать топонимы в рассказ, создавая мини-диалоги и фрагменты экскурсий. Например:

«Перед нами гора Монгун-Тайга — 'снежная гора', священное место для жителей Тувы. Её вершины покрыты снегом круглый год».

Такая практика формирует у студентов профессиональные навыки описания природных объектов и повышает уровень речевой культуры.

Важно обращать внимание на сочетание тувинской и русской лексики в речи экскурсовода. Как показывает опыт работы Биче-оол Т. Н. и Донгак К. Х., в Туве активно развиваются двуязычные маршруты, где часть текста звучит по-тувински, а часть — на русском и английском языках [6]. Это создаёт аутентичную языковую среду и способствует сохранению национальной идентичности.

Включение топонимов в экскурсионную речь способствует формированию у туристов целостного

восприятия региона как культурного пространства. По мнению Ч. К. Ламажаа, именно через язык раскрывается национальный характер тувинцев — уважение к природе, коллективизм, стремление к гармонии [11].

Использование географических названий в экскурсионном рассказе позволяет экскурсоводу выступать не только информатором, но и «переводчиком культуры». Таким образом, топонимия становится инструментом лингвокультурного просвещения и «вербального брендинга» Тувы [15].

Современные исследования показывают, что туристическая коммуникация в интернете и медиа также активно использует топонимы как элементы идентичности региона [15]. Грамотно подготовленный экскурсовод, владеющий лексикой и культурными ассоциациями, способен сделать восприятие Тувы ярким и эмоционально насыщенным.

Названия географических объектов Тувы представляют собой важнейший источник культурной информации и эффективное средство формирования профессиональной компетенции экскурсоводов. Их изучение способствует расширению словарного запаса, развитию межкультурной чувствительности и формированию уважительного отношения к культурному наследию региона.

Работа с тувинской топонимией требует системного подхода: включения в учебные курсы по экскурсоведению, иностранным языкам и культурологии, проведения практических занятий по переводу и интерпретации названий. Освоение топонимической лексики помогает экскурсоводам не только грамотно строить маршрутные комментарии, но и превращать географические имена в инструмент лингвокультурного взаимодействия, способствующий продвижению туристского бренда Тувы на международной арене.

Список литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. — М.: ФЛИНТА, 2020. — 288 с. *Новые исследования Тувы*
2. Аракчаа Л. К. Священная Тува. — Кызыл: ТувГУ, 2019. — 190 с. *Новые исследования Тувы*
3. Ахметшина А. С. Лингвокультурологический портрет экскурсовода // Вестник Башкирского университета. — 2018.
4. Балакина Г. Ф., Чупикова С. А. Определение приоритетных туристских территорий в регионе: Республика Тыва // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2024. — № 4. — С. 23–31.
5. Балюк Н. А. Экскурсоведение: учебное пособие для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2021. — 235 с.
6. Биче-оол Т. Н., Донгак К. Х. Туризм Республики Тыва: развитие, территориальный потенциал // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. — 2021. — № 4 (85). — С. 48–55.
7. Бичелдей К. А. Поговорим по-тувински (Тывалап чугаалажылыңар). — Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2012.
8. Булычёва М. Ф. Учебные экскурсии для формирования лингвокультурологической компетенции курсантов // Science and Education. — 2023. — Т. 4, № 1. — С. 808–813.
9. Емельянов Б. В. Экскурсоведение. Учебник. — 6-е изд. — М.: Советский спорт, 2009. — 216 с.
10. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. — М.: Наука, 1961.
11. Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 240 с.

12. Макарова А. И. К вопросу о специфике преподавания иностранного языка для гидов-экскурсоводов // Сервис plus. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 64–75. DOI: 10.5281/zenodo.6964205.
13. Монгуш Д. А., Будуп Б. К. (ред.) Толковый словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2003.
14. Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2004. – 256 с.
15. Скарнев Д. С., Русакова М. М., Нелюбова Н. Ю. Тува туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 4. – С. 200–216. DOI: 10.25178/nit.2023.4.14.
16. Стратегия развития туризма в Республике Тыва до 2030 года: постановление Правительства Республики Тыва от 22.11.2023 № 854 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва „Развитие туризма в Республике Тыва“».
17. Сувандии Н. Д. Вклад Бичен Кыргысовны Ондар в развитие топонимики Тувы // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 4.
18. Сувандии Н. Д. Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 3.

PAPERS IN ENGLISH

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

LITERATURE OF THE PEOPLE OF THE COUNTRIES OF ABROAD
(WITH INSTRUCTIONS OF THE CONCRETE LITERATURE).

DOI - 10.32743/UniPhil.2025.138.12.21572

ARTISTIC REPRESENTATIONS OF THE AMERICAN DREAM IN LITERATURE:
A DISCURSIVE ANALYSIS BASED ON THE GREAT GATSBY**Valiyeva Irodakhon**

PhD student,

Department of Foreign Languages,

Jizzakh State Pedagogical University named after A. Kadiri,

Republic of Uzbekistan, Jizzakh

E-mail: valiyevairodaxon442@gmail.comХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОСПРИМИТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ:
ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ «ВЕЛИКОГО ГЭТСБИ»**Валиева Иродахон**

аспирант кафедры иностранных языков,

Джизакский государственный педагогический

университет имени А. Кадыри,

Республика Узбекистан, г. Джизак

ABSTRACT

This scholarly article examines the evolution and artistic representation of the American Dream in F. Scott Fitzgerald's *The Great Gatsby* and other related literary works. By applying discourse analysis, the study explores ideological shifts, socio-cultural tensions, and moral dilemmas embedded in narratives that depict the Dream. The research integrates contemporary academic perspectives and evaluates symbolism, characterization, and narrative strategies as central mechanisms of representing the American Dream in modern American literature.

АННОТАЦИЯ

Данная статья исследует эволюцию и художественное воплощение американской мечты в романе Ф. Скотта Фицджеральда *Великий Гэтсби* и родственных литературных произведениях. С применением дискурсивного анализа рассматриваются идеологические изменения, социально-культурные напряжения и нравственные дилеммы, отраженные в художественных нарративах. Исследование опирается на современные научные подходы и анализирует символику, образы персонажей и особенности повествования как ключевые средства репрезентации американской мечты.

Keywords: American Dream, *The Great Gatsby*, discourse analysis, modern American literature, ideology and culture, social inequality, moral decay, symbolism, narrative strategies, capitalism and identity

Ключевые слова: Американская мечта, «Великий Гэтсби», дискурсивный анализ, современная американская литература, идеология и культура, социальное неравенство, нравственная деградация, символизм, нарративные стратегии, капитализм и идентичность

Introduction

The American Dream is one of the fundamental concepts of the cultural identity of the United States. Throughout its historical development, it has been variously interpreted as an ideal centered on success, freedom, equality, and personal advancement. In literary studies, the American Dream is often examined as a complex construct that reflects the interaction between social stratification, economic inequality, moral deterioration, and individual aspiration.

F. Scott Fitzgerald's *The Great Gatsby* is widely recognized as one of the most artistically sophisticated representations of this concept in modern American literature. The novel exposes the tension between the external glamour of American society and its internal moral crisis. This study uses *The Great Gatsby* as a primary text and situates it within a broader literary context in order to conduct a comparative discourse analysis of how the American Dream is redefined and problematized in twentieth-century American fiction.

Materials and methods

This research adopts a qualitative literary approach grounded in discourse analysis. The primary material for analysis is F. Scott Fitzgerald's *The Great Gatsby*. In addition, selected works from American literature—Arthur Miller's *Death of a Salesman*, Lorraine Hansberry's *A Raisin in the Sun*, John Steinbeck's *Of Mice and Men*, and *The Grapes of Wrath*—are used as comparative texts.

The study focuses on ideological, socio-cultural, and ethical discourses embedded within narrative structures. Analytical attention is paid to symbolism, characterization, narrative perspective, and key lexical units related to aspiration and failure. The research also draws on contemporary critical scholarship (Kim, 2021; Johnson, 2020; Lopez, 2019; Peterson, 2022; Ahmed, 2023) to contextualize the literary discourse historically and theoretically.

Table 1.

Historical, Methodological, and Ideological Foundations

Category	Focus	Key Points
Introduction	Background of the American Dream	<ul style="list-style-type: none"> The American Dream as a cultural ideal tied to success, equality, and freedom. Its reinterpretation across history. <i>The Great Gatsby</i> chosen as the central literary representation.
Aim of Study	Analytical purpose	<ul style="list-style-type: none"> Conducts comparative discourse analysis of how the Dream is redefined in 20th-century fiction.
Materials & Methods	Research design	<ul style="list-style-type: none"> Qualitative discourse analysis. Primary text: <i>The Great Gatsby</i>. Comparative texts: <i>Death of a Salesman</i>, <i>A Raisin in the Sun</i>, <i>Of Mice and Men</i>, <i>The Grapes of Wrath</i>. Focus on symbolism, characterization, narrative voice, and lexical items.
Historical Transformation	Ideological shift	<ul style="list-style-type: none"> Transition from moral/spiritual Dream → materialistic Dream (Kim 2021; Johnson 2020). Gatsby's wealth exposes contradictions in the ideal. Upward mobility shown as ethically problematic (Lopez 2019).

Results and discussion

Historical and Ideological Transformation of the American Dream

Recent studies (Kim, 2021; Johnson, 2020) indicate that during the early twentieth century the American Dream shifted from a moral and spiritual ideal to a materialistic pursuit. The social mobility, economic expansion, and rise of consumer culture in 1920s America significantly contributed to this transformation. Fitzgerald portrays this historical shift with particular clarity.

Jay Gatsby embodies the ideal of self-reinvention through ambition and perseverance. However, the illegal sources of his wealth reveal the internal contradictions of the American Dream and expose the moral ambiguity underlying material success (Lopez, 2019). Thus, the novel critiques the illusion of upward mobility by demonstrating its ethical costs.

Discursive Representation in *The Great Gatsby* and Other Works

In *The Great Gatsby*, the American Dream is depicted through themes of instability, material excess, and moral decline. Daisy Buchanan symbolizes the emptiness of social ideals, Gatsby represents the transformation of the Dream into illusion, and Tom Buchanan embodies the persistence of inherited power and privilege.

Comparable patterns appear in other American literary works. In *Death of a Salesman*, the Dream collapses under the pressure of capitalist expectations. *A Raisin in the Sun* reinterprets the Dream as a collective struggle against racial inequality. *Of Mice and Men* presents it as nearly unattainable for the working poor, while *The Grapes of Wrath* exposes the Dream's collision with systemic exploitation. Across these texts, the American Dream functions as a site of conflict, class struggle, and social injustice rather than fulfillment.

Symbolism and Narrative Mechanisms

Symbolic imagery plays a crucial role in Fitzgerald's narrative. The green light represents an unattainable future desire (Peterson, 2022), the Valley of Ashes reflects moral and economic decay, and the eyes of Dr. T. J. Eckleburg symbolize spiritual emptiness and the absence of moral authority.

The narrator, Nick Carraway, serves as a detached observer whose internal conflict between honesty and complicity enhances the novel's ethical dimension. His narrative distance allows a critical reflection on social values and reinforces the discourse of moral ambiguity within the American Dream (Ahmed, 2023).

Discursive Patterns of the American Dream

Discourse analysis reveals that the American Dream is constructed not merely as an individual ambition but as a broader ideological and cultural narrative shaped by capitalism. Lexical items such as *hope*, *self-made*, *pursuit*, *dream*, and *failure* expand the semantic scope of the concept. In Fitzgerald's novel, three dominant

discourses emerge: materialism, moral decay, and illusion. Together, they transform the Dream from a symbol of hope into a complex field of social and psychological contradiction.

Conclusion

The study demonstrates that in *The Great Gatsby* and related works of American literature, the American Dream is predominantly represented through broken ideals, futile aspirations, material dominance, moral corruption, and social inequality. While historically the American Dream functioned as a symbol of hope and opportunity, modern American literature increasingly portrays it as a critical, psychological, and sociological construct.

By employing discourse analysis, this research highlights how literary narratives expose the ideological tensions underlying the American Dream and reinterpret it as a reflection of broader cultural and ethical crises.

References:

1. Ahmed, L. (2023). Narrative distance in modern American fiction. Cambridge University Press.
2. Brucoli, M. J. (2002). New essays on *The Great Gatsby*. Cambridge University Press.
3. Cullen, J. (2003). *The American Dream: A short history of an idea that shaped a nation*. Oxford University Press.
4. Johnson, M. (2020). *Reevaluating the American Dream*. Oxford University Press.
5. Kim, S. (2021). Cultural transformations of the American Dream. *Journal of American Studies*, 45(3), 211–230.
6. Lopez, R. (2019). Moral ambiguity and the self-made man. *Modern Literary Review*, 12(2), 98–114.
7. Peterson, T. (2022). Symbolism and social decay in Fitzgerald's works. *American Literature Quarterly*, 37(1), 55–70.
8. Parker, D. (2015). The illusion of self-making in American modernism. *Journal of Narrative Theory*, 45(3), 367–390.

LITERATURE THEORY. TEXTUAL CRITICISM.

SEMANTIC CLASSIFICATION AND STRUCTURE OF COSTUME DESIGN VOCABULARY

*Nazirova Oygul Mukhitdinovna**Senior teacher
of Namangan state technical university,
Uzbekistan, Namangan
E-mail: fayziboyevo@gmail.com*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРА ЛЕКСИКИ ДИЗАЙНА КОСТЮМА

*Назирова Ойгуль Мухитдиновна**старший преподаватель
Наманганского государственного технического университета,
Узбекистан, г. Наманган*

ABSTRACT

The vocabulary of costume design forms a distinctive subsystem of professional language, reflecting a complex relationship between art, technology, and culture. This study explores the semantic and structural organization of costume design terminology through the lens of cognitive semantics and linguistic classification. It identifies the major thematic and functional patterns that underlie the lexicon, highlighting how linguistic creativity interacts with technical precision. Moreover, it analyzes productive word-formation mechanisms, metaphorical and metonymic processes, synonymy, polysemy, and cross-cultural variation. The article also discusses how new terms emerge under the influence of digital innovation, sustainability, and globalization. Findings demonstrate that costume design terminology is not only a linguistic reflection of creative practice but also an evolving cognitive system that shapes the professional worldview of designers and educators alike.

АННОТАЦИЯ

Лексика дизайна костюма образует самобытную подсистему профессионального языка, отражая сложную взаимосвязь искусства, технологий и культуры. В данном исследовании рассматривается семантическая и структурная организация терминологии дизайна костюма через призму когнитивной семантики и лингвистической классификации. Выявляются основные тематические и функциональные закономерности, лежащие в основе лексики, и освещается взаимодействие языкового творчества с технической точностью. Кроме того, анализируются продуктивные механизмы словообразования, метафорические и метонимические процессы, синонимия, полисемия и межкультурная вариативность. В статье также рассматривается, как появляются новые термины под влиянием цифровых инноваций, устойчивого развития и глобализации. Результаты показывают, что терминология дизайна костюма является не только языковым отражением творческой практики, но и развивающейся когнитивной системой, формирующей профессиональное мировоззрение дизайнеров и педагогов.

Keywords: costume design, terminology, semantics, metaphor, word formation, cognitive linguistics, cultural identity, fashion vocabulary.

Ключевые слова: дизайн костюма, терминология, семантика, метафора, словообразование, когнитивная лингвистика, культурная идентичность, модная лексика.

The lexical system of costume design terminology is a complex and dynamic phenomenon that reflects the interaction between linguistic, cognitive, cultural, and aesthetic factors. The semantics of this professional vocabulary shows not only how designers describe their work but also how societies conceptualize appearance, identity, and creativity. As in other fields of art-related terminology, meaning formation in costume design is multidimensional, combining technical precision with artistic subjectivity [1]. The study of such terminology reveals how fashion discourse mirrors social change,

cultural heritage, and technological advancement. Fashion, being an ever-evolving art form, requires a flexible linguistic system that adapts to innovation while maintaining a link to tradition [2].

According to semantic field theory developed by Trier and later expanded by Lehrer, vocabulary items are organized into conceptual networks based on shared meaning [7]. Within costume design, several interrelated semantic fields emerge naturally: construction and technique, materials and texture, shape and silhouette, color and aesthetic perception, as well as cultural and

historical terminology. The first of these relates to garment-making processes, including words such as *cut*, *seam*, *pattern*, *drape*, *stitch*, *pleat*, *lining*, *hem*, and *dart*. These terms reflect functional and technological meanings, many of which originate from tailoring and textile production [3]. The second field concerns materials and textures, involving words like *silk*, *chiffon*, *velvet*, *satin*, *wool*, and *texture*, which describe both physical properties and visual or tactile impressions. Metaphorical uses such as *liquid fabric* or *airy dress* demonstrate how sensory experience becomes linguistic expression [5].

Shape and silhouette terms such as *A-line*, *hour-glass*, *straight-cut*, and *structured* link costume design to geometry and architecture, expressing the balance between form and proportion [6]. Color and aesthetic terms, including *monochrome*, *pastel*, *shade*, *tone*, and *vibrant*, convey not only visual harmony but also psychological and cultural associations [13]. Cultural and historical vocabulary further enriches the lexicon, as seen in terms like *Renaissance gown*, *kimono sleeve*, *Victorian collar*, and *boho style*, which encode social memory and cultural identity [9]. Each of these fields functions as part of a larger semantic network, where words are connected through synonymy, antonymy, and hyponymy. For instance, *hemline* and *border* share conceptual proximity but differ in technical nuance, illustrating the system's internal hierarchy.

From a morphological perspective, the structure of costume design terminology demonstrates a wide variety of word-formation mechanisms. Derivation through affixation produces forms such as *fit* – *fitting*, *style* – *stylishness*, and *drape* – *drapery*. Compounding is another highly productive process, leading to expressions like *ready-to-wear line*, *double-breasted jacket*, and *high-waisted skirt*. Conversion enables category shifts without morphological change, as in *to model* – *a model* or *to tailor* – *a tailor* [10]. Borrowing, particularly from French and Italian (*couture*, *corset*, *taffeta*, *crinoline*, *atelier*), reflects the historical dominance of European fashion terminology [3]. Hybrid terms such as *eco-fashion*, *street-couture*, and *techwear* illustrate the influence of globalization and the blending of linguistic traditions [14]. These structural processes contribute to the richness and adaptability of modern fashion language.

Metaphor and metonymy, as cognitive mechanisms, play a fundamental role in the development of costume design vocabulary. As Lakoff and Johnson noted, metaphor shapes human thought by mapping one conceptual domain onto another [6]. In fashion discourse, metaphors drawn from nature (*butterfly sleeve*, *petal skirt*, *shell top*), architecture (*sculptural dress*, *boxy jacket*), and emotion (*dramatic cut*, *romantic gown*, *bold look*) reflect how abstract aesthetic qualities are expressed through tangible imagery [11]. Metonymy operates through association and contextual proximity: *a Chanel* meaning a Chanel-designed dress, *the runway* for a fashion show, or *denim* referring to a whole style category. These devices not only enrich professional vocabulary but also facilitate concise and expressive communication among designers and critics [12].

Another important characteristic of this lexicon is its semantic variability. Synonymy reflects stylistic and contextual diversity, as in the pair *outfit* and *ensemble*, which differ in register and nuance. Polysemy arises frequently, since terms like *cut* may refer to a tailoring technique, a silhouette, or even a visual effect. Regional variation also plays a role: *jumper/sweater* and *trousers/pants* represent geographical differences, though global media increasingly blurs such distinctions [4]. This fluidity makes fashion language both creative and adaptive, mirroring the diversity of global design practices.

Costume design terminology is also deeply rooted in culture. Each language encodes its own fashion concepts that express local traditions, social roles, and aesthetic values. Uzbek traditional clothing, for example, includes culturally rich terms such as *atlas*, *adras*, *do'ppi*, and *chapan*, which carry both material and symbolic significance. Translating these words into English often requires descriptive equivalents – *silk ikat fabric*, *embroidered skullcap*, *quilted robe* – as there are no direct counterparts [9]. Such lexical gaps, known as “cultural lacunae,” occur when two languages conceptualize the world differently [9]. Globalization, however, has facilitated linguistic hybridization, leading to terms like *kimono-style dress*, *ethno-chic*, and *boho embroidery*, which merge traditional heritage with modern stylistic codes [10]. These examples highlight how fashion vocabulary functions as a site of cultural negotiation and exchange.

In the modern era, digital technology and environmental awareness are transforming both design practice and its linguistic expression. The emergence of terms like *3D modeling*, *digital tailoring*, *slow fashion*, *upcycling*, and *virtual fitting room* reflects new professional realities [15]. These terms convey not only technological advancement but also ethical and ecological awareness, marking a shift from purely aesthetic values to sustainable and moral considerations. As Thurlow emphasizes, fashion language today constructs social meaning and moral identity as much as it defines beauty [10]. Consequently, costume design terminology continues to expand in response to societal change, absorbing new conceptual frameworks from technology, culture, and philosophy.

In conclusion, the vocabulary of costume design represents a dynamic linguistic system shaped by historical evolution, cognitive mechanisms, and cultural diversity. It demonstrates how language mediates between material creation and abstract thought, allowing designers to articulate both technical detail and artistic emotion. Through metaphor, metonymy, and borrowing, the lexicon continues to grow, adapting to global influences and technological progress. The study of its semantics and structure reveals that fashion language is not merely descriptive but conceptual, serving as a reflection of identity, innovation, and human creativity. As linguistic and cultural change accelerate in the digital age, the study of costume design terminology remains crucial for understanding how words shape the art of fashion and the imagination of society.

References:

1. Nazirova, O. M. (2018). The importance of student motivation in teaching foreign languages. *Theoretical & Applied Science*, (10), 307–311.
2. Mukhitdinovna, N. O. (2025, March). Linguistic Features of Paradigmatic and Syntagmatic Relations. In *International Conference on Linguistics, Literature and Translation (London)* (Vol. 13, pp. 4–7).
3. Nazirova, O. (2024). Zamonaviy dizayn (kostyum) terminologiyasining tarjima tahlili. *News of the NUUz*, 1(1.10), 249–251.
4. Nazirova, O. (2023). Dizayn (kostyum) sohasi neologizmlarining tarjimadagi xususiyatlari. *Fargʻona davlat universiteti*, (2), 86–86.
5. Mukhitdinovna, N. O. (2021). Neologisms in the Articles of Fashion Journals in Terms of Translation. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*, 2(5), 114–116.
6. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
7. Lehrer, A. (1992). *Semantic Fields and Lexical Structure*. Amsterdam: John Benjamins.
8. Trier, J. (1931). *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. Heidelberg: Winter.
9. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1990). *Language and Culture*. Moscow: Progress.
10. Thurlow, J. (2019). *Language and Fashion: Identity and Discourse*. Routledge.
11. Barthes, R. (1983). *The Fashion System*. University of California Press.
12. Kawamura, Y. (2018). *Fashion-ology: An Introduction to Fashion Studies*. Berg Publishers.
13. Sapir, E. (1949). *Selected Writings in Language, Culture, and Personality*. University of California Press.
14. Eicher, J. B. (2010). *Dress and Ethnicity: Change Across Space and Time*. Berg.
15. Eco, U. (1986). *Semiotics and the Philosophy of Language*. Indiana University Press.

LINGUISTICS

GERMAN LANGUAGES

EFFECTIVE TECHNIQUES FOR CORRECTING PRONUNCIATION ERRORS
IN RUSSIAN LEARNERS OF ENGLISH*Bondareva Nelli Karoevna**Master of Education,
University of the People,
USA, Pasadena**E-mail: nelly.bondarev@gmail.com*

ПРОИЗНОШЕНИИ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ

*Бондарева Нелли Кароевна**магистр,
Народный Университет,
США, г. Пасадина*

ABSTRACT

The article offers an in-depth analysis of methods for correcting pronunciation among English language learners, particularly Russian speakers. It examines the root causes of pronunciation errors, such as linguistic differences between Russian and English, and discusses various correction strategies, including the imitative, analytical-imitative, and approximative approaches. The article also highlights the significance of understanding learners' psycho-emotional states and the impact of fossilized errors on language acquisition. It emphasizes the need for a balanced approach to error correction, taking into account learners' emotional well-being and the potential risks of overemphasizing pronunciation errors. This comprehensive exploration offers educators valuable insights into developing effective teaching strategies for pronunciation correction.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен углублённый анализ методов коррекции произношения у изучающих английский язык, с особым акцентом на русскоязычных учащихся. Рассматриваются основные причины ошибок произношения, такие как лингвистические различия между русским и английским языками, а также обсуждаются различные стратегии коррекции, включая имитативный, аналитико-имитативный и аппроксимативный подходы. В статье также подчёркивается значимость понимания психоэмоционального состояния обучающихся и влияние закоренелых ошибок на процесс овладения языком. Отдельное внимание уделяется необходимости сбалансированного подхода к исправлению ошибок с учётом эмоционального состояния учащихся и потенциальных рисков чрезмерной концентрации ошибок произношения. Данный всесторонний анализ предоставляет ценную информацию для преподавателей при разработке эффективных стратегий обучения произношению.

Keywords: pronunciation error correction, Russian EFL learners, fossilized errors, L1 interference, analytic-imitative approach, approximative approach, corrective feedback strategies, phonological errors, psycho-emotional factors

Ключевые слова: коррекция ошибок произношения, русскоязычные изучающие английский язык как иностраный, закоренелые ошибки, интерференция родного языка, аналитико-имитативный подход, аппроксимативный подход, стратегии коррекции обратной связи, фонологические ошибки, психоэмоциональные факторы

Errors in language learning can be viewed from two perspectives: negatively, as unwanted elements, and positively, as crucial to educational progress because correcting mistakes fosters skill development. Therefore, a teacher's responsibility extends beyond merely presenting new content; they also involve addressing

and correcting students' errors. Yanovskaya and Neskreba [16, pp. 325-330] emphasize the importance of a teacher's understanding of error types, their correction, and strategies for anticipating and preventing them. Despite the vast amount of research on teaching English

as a second language, challenges in managing pronunciation and correction are still an ongoing academic debate. Zelenskaya [17, pp.142-144] echoes this sentiment, highlighting the contentious nature of errors in the broader context of educational theory and, more specifically, in English language teaching methodologies.

Different researchers have varying perspectives on the concept of error. Some experts believe that errors should be avoided by all available means.

A wrong statement should never be reproduced, either by the teacher or by the students themselves, since this is the only way to prevent students from fossilizing errors. Galkina [4, pp. 30-35] asserts that language is learned exclusively through errors. An error should not be forcibly expelled from the learner's consciousness, but excessive focus on the error is also not entirely correct. Correction of errors, as noted by Bogdanova [2, pp. 66-69], is a necessary feedback mechanism that arises in the process of teaching a foreign language, enabling the educator to plan teaching methods and facilitate positive learning outcomes. Yanovskaya and Neskrebina [16, pp. 325-330] also note that error correction is an essential tool for optimizing language education.

Work on phonetics generally attracts less interest among students, especially in comparison with lexical and grammatical aspects of the language. The comparatively low interest in pronunciation is mainly due to the subjective perception of phonetics. Moreover, instruction in suprasegmental features such as intonation and rhythm remains marginal in many school and university English programs.

Building on the theoretical discussion of error correction in language education, this article approaches pronunciation teaching as a multidimensional pedagogical challenge. The first section explores the necessity of a balanced approach to pronunciation correction, emphasizing the importance of instructional flexibility. The second section outlines the major methodological approaches to pronunciation teaching and evaluates their instructional effectiveness.

The third section focuses on pronunciation difficulties specific to Russian speakers, highlighting recurrent segmental and suprasegmental errors caused by cross-linguistic interference.

Finally, the paper examines psycho-emotional factors and fossilized errors, arguing that successful pronunciation instruction depends not only on technique but also on learners' emotional security and engagement.

1. Balancing Pronunciation Error Correction in Language Learning: Strategies and Pedagogical Considerations

To prevent, predict, and correct pronunciation errors, it is necessary to understand the reasons behind their occurrence. Perlova [11, pp. 82-93] and Kiryushina [6, pp. 1-5] discuss that students make typical errors in pronouncing English words due to (1) insufficient knowledge of articulation features, (2) inaccurate intonation, or (3) inadequate control of word and phrase stress. Minakova [9, pp. 61-66] identifies phonetic difficulties

in learning English as resulting from both internal factors (reading, motivation, self-control) and external linguistic influences.

Many researchers, citing the classical works of the linguist and educator Shcherba [13, pp. 156-180], distinguish two main types of pronunciation errors: phonetic (articulation errors) and phonological (sound-meaning errors). Phonetic errors are the result of violating the pronunciation norms of the language and are usually manifested in the replacement of a phoneme with its allophones or variants. As is evident, such errors do not hinder the speech process and rarely lead to communicative failures, unlike phonological errors, which can result in semantic distortion and breakdowns in meaning.

In the practice of international English language exams, three types of errors are commonly identified: slips (momentary mistakes), errors (caused by a lack of knowledge), and attempts (errors made when trying to express a more complex idea that the speaker's language proficiency allows). Pak [10, pp. 116-122] proposes expanding this typology to include errors resulting from native-language interference as well as *developmental (growth-related) errors* arising from learners' overgeneralization of linguistic rules during language acquisition.

As mentioned earlier, contemporary pedagogical practice lacks a consensus regarding the optimal methods for correcting pronunciation errors. According to a study by Borsheva [2, pp. 66-69], most teachers (33%) correct errors after the students have completed their response, about 10% of teachers correct errors immediately, 23% of educators do not always correct errors for various reasons, and 14% strive to enable the student to identify and correct their mistake independently. For this purpose, the "echo" technique is used, wherein the educator repeats the student's phrase containing the error. More than 40% of teachers use nonverbal communication, such as gestures and facial expressions.

Zelenskaya [17, pp. 142-144] states that attitudes toward pronunciation errors vary depending on the pragmatic conditions of foreign-language communication. For instance, in regular English classes, in everyday communication, or while traveling abroad, the presence of errors is a natural phenomenon that is unlikely to disrupt the flow of communication. In contrast, in more formal and professional settings, such as academic presentations, conference participation, or public speaking, phonetic inaccuracies become more salient and may negatively affect the speaker's professional image. The author further emphasizes that extreme pedagogical responses to pronunciation errors are pedagogically ineffective. Neither excessive corrective interruption nor the complete absence of feedback contributes to sustainable pronunciation development. In the former case, learners may experience heightened linguistic anxiety and reduced confidence, whereas in the latter, inaccurate forms risk becoming reinforced. Consequently, effective error correction requires careful consideration of the communicative context and the adaptation of a balanced correction strategy.

2. Exploring Approaches to Pronunciation Correction in Language Education.

Observation of the real practice of teaching English in universities and schools reveals that the primary method of correcting pronunciation errors is the *intuitive-imitative approach*. Celce-Murcia, Briton, and Goodwin [3, p. 375] describe the intuitive-imitative approach as relying on a learner's capacity to listen to and replicate the target language's rhythms and sounds without any specific instructional guidance. This method assumes that learners have access to high-quality listening examples.

The availability of such models has significantly improved with technological advancements. However, Zelenskaya [17, pp. 142-144] notes that a much more effective method is a detailed explanation of the position of articulatory organs or the specifics of a particular phoneme, and its differences from a similar phoneme in the native language. Accurate imitation of foreign sounds can only be based on an understanding of the theoretical foundation, the articulatory features, and intonational contours of a native English speaker.

The *analytic-linguistic approach* to correcting pronunciation errors is notably superior to the *intuitive-imitative approach*. This method employs various resources, including the phonetic alphabet, articulatory descriptions, vocal apparatus diagrams, and additional supports to enhance listening, imitation, and production.

It deliberately educates and directs the learner's focus toward the sounds and rhythms of the target language. Celce-Murcia, Briton, and Goodwin [3, p. 375] point out that it was developed as a complement, not a replacement for the intuitive-imitative approach; the analytic-linguistic approach often integrates elements of the intuitive-imitative approach during the practice stages of a standard analytic-linguistic language lesson.

In schools and universities, pronunciation errors are often explained and corrected by transcribing the *mispronounced word*. Inamova [5, pp. 997-1003] remarks that phonetic symbols "may be slightly off-putting due to the inclusion of oddly looking symbols".

The complexity of English transcription can undermine learners' motivation. In this context, the researcher suggests introducing the transcription method at later stages of instruction or among students who already possess a high level of oral competence.

Discussions about techniques for correcting errors and teaching phonetics have led to the emergence of an approach that fundamentally questions the need for correction.

The central argument of this viewpoint is that the effort put into teaching foreign pronunciation often does not justify the results. In this context, educators suggest adopting an *approximative approach* that legitimizes relatively correct pronunciation. If a student's utterances do not lead to communication breakdowns and the phonetic inaccuracies do not distort the meaning of their spoken thoughts, it is recommended not to correct the errors in their speech.

3.2. Challenges and Strategies in Teaching English Pronunciation to Russian Speakers.

Two key differences between the Russian and English sound systems are the non-existence of the distinction between short and long vowels in Russian and the lack of diphthongs. Mastering English rhythm and stress patterns is a challenging aspect for Russian learners. Words that start with 'w', such as 'wonder', 'wilt', 'wage', and 'wipe', often present pronunciation difficulties. Additionally, Russian speakers tend to modify the English /æ/ sound, as in 'hat', to a closer /e/, which can cause mix-ups between words like 'mat' and 'met'. The /ɜ:/ sound in English is frequently altered to a more frontal Russian /o/ or changed into a diphthong like /ou/, leading to confusion between words such as 'rock' and 'roar', 'caught' and 'coat', or 'lot', 'laud', and 'loathe'. In general, Russian speakers often do not pronounce English long vowels with sufficient tension, making them sound more like short vowels. For instance, 'feel' might be pronounced like 'fill', or 'beet' like 'bit'. The variation in the length of English long vowels depending on the following consonant (as in 'pea', 'peel', and 'peat') also poses difficulties for Russian learners.

The English phonemes /θ/ and /ð/ pose significant challenges for Russian speakers, who often substitute them with /s/ and /z/, respectively. Common errors include pronouncing "think" as "sink" and "breathe" as "breeze." The /ŋ/ sound is typically replaced with the Russian /g/ or a dental /n/, leading to mispronunciations like "sing" as "sig" or "sin." Russian speakers also frequently struggle to distinguish between /w/ and /v/, which can lead to confusion between words like "vine" and "wine," or "vest" and "west." In Russian, the sounds /t/, /d/, /l/, and /n/ are articulated with the tongue touching the upper teeth, giving them a distinctively foreign sound when spoken by Russian learners in English contexts. Final voiced consonants such as /b/, /d/, and /g/ are often devoiced in Russian. This process leads to the mispronunciation of words like "robe" as "rope," "bide" as "bite," and "log" as "lock" by Russian speakers. The "dark"/l/ sound, as heard in words like "pull" or "mill," is frequently used in place of the "clear"/l/ sound found in words like "light" or "like." The sound /tʃ/ in Russian is slightly soft or "palatalized," causing learners to mispronounce the more complex English /tʃ/ sound, as in "choose," with a smoother version. Additionally, the Russian language lacks the /dʒ/ sound, though it has separate /d/ and /ʒ/ sounds. Consequently, when Russian learners encounter English words like "judge" or "bridge," they tend to pronounce the /dʒ/ sound as two distinct sounds rather than thoroughly blending it as in native English pronunciation [15, pp. 145-161].

Russian speakers often encounter difficulties with English intonation, an aspect of pronunciation that differs significantly from Russian intonation. One of the primary issues is the difference in the range and depth of pitch movements. In Russian, the low-fall intonation pattern is less pronounced than in English, often resulting in a less distinct drop in pitch. This intonation pattern can affect the clarity and perceived emotion in spoken English. For instance, a statement like "I'm going to the store," which in English would typically

end with a noticeable pitch drop, might sound flat or less emphatic when spoken by a Russian speaker. Similarly, the low-rise intonation pattern in Russian does not start as low as it does in English, and it tends to rise more sharply.

This abrupt rise can make statements sound more questioning or uncertain than intended. For example, a sentence like "He's working today," meant to be a simple statement, might come across as a question or a statement of surprise.

Another notable issue is how Russian speakers handle yes/no questions in English. While native English speakers typically end such questions with a rising intonation, Russian speakers tend to end them with a falling intonation. This intonational influence can unintentionally convey a sense of impoliteness or abruptness. A question like "Are you coming with us?" might sound more like a command or a statement rather than an inquiry.

Tag questions in English also pose a challenge. In Russian, the intonation of tag questions does not vary significantly from the rest of the sentence, which can lead to confusion when Russian speakers use them in English. For example, the tag question "You're coming, aren't you?" might not have the expected rising intonation at the end, making it sound less like a question seeking confirmation.

Furthermore, when it comes to alternative questions, where native English speakers typically use rising intonation at the end, Russian speakers might use falling intonation instead. This influence from the Russian language can affect the listener's understanding of the question's nature. In cases like "Should we go by car or by bus?", the rising intonation of "bus" that is expected in English might be missing, potentially confusing the speaker's intent.

Overall, mastering English intonation patterns and phonetics poses a significant challenge for Russian speakers, but it is a crucial aspect of their language acquisition journey. Understanding and adapting to the rules and patterns of English intonation goes beyond mere pronunciation - it is about learning to convey subtleties of meaning through variations in pitch and tone.

This learning process is complex, as it involves not only mimicking sounds but also internalizing a different way of expressing speech nuances.

However, while these pronunciation and intonation errors can affect the quality of spoken language, their impact on communication effectiveness in practical scenarios, both in everyday life and professional settings, is generally limited. It is essential to recognize that although these inaccuracies may mark the speech of a non-native speaker, they seldom obstruct the primary goal of communication: the conveyance of meaning and understanding. In most instances, despite these errors, the speaker's intended core message is successfully communicated and understood by the listener. This realization leads to an important insight: striving for perfection in pronunciation, while admirable, is not always a prerequisite for effective communication. In many real-world situations, the ability to communicate clearly and effectively, even with some linguistic imperfections, is often more crucial than achieving flawless pronunciation.

This perspective advocates for a certain degree of tolerance towards these errors. Instead of focusing solely on eliminating every phonetic mistake, it may be more beneficial to concentrate on improving overall fluency and comprehension skills.

In this discussion, we circle back to the pragmatic aspects of communication in a foreign language.

Notably, non-native speakers in most contexts are not held to the standard of flawless adherence to the phonetic rules of an unfamiliar language. This standard primarily applies to professionals whose roles are closely tied to foreign language proficiency, such as translators, journalists, actors, diplomats, and others [8]. In these professions, a significant portion of training is devoted to mastering pronunciation and intonation, with clear, accent-free speech being a critical component of their professional skill set. Conversely, for professionals in fields like construction, engineering, and management, the primary requirement of English communication is understandability, rather than phonetic perfection. Their objective is to communicate effectively to accomplish professional tasks. For such individuals, an approximate approach to correcting linguistic errors is deemed most appropriate and effective.

2.3. Effective Strategies for Addressing Mistakes in Language Learning

The concept of addressing pronunciation errors in language learning is multifaceted and cannot be encapsulated by a one-size-fits-all approach. This notion aligns with Kondrashova's [7, pp. 27-47] perspective, which asserts that the teaching method, along with its objectives and the educational tools employed, significantly influences how pronunciation errors should be corrected. Different teaching methodologies dictate distinct approaches to error correction. For instance, methods that focus primarily on the structural aspects of language, such as the grammar-translation method, typically require meticulous correction of all errors. This approach is rooted in the belief that understanding and correctly applying a language's structural rules is paramount.

In contrast, the communicative method, which prioritizes the ability and willingness to engage in communication, advocates for minimal teacher interference in the students' speech [7, pp. 27-47]. According to this method, linguistic accuracy, while important, is not the primary objective. The emphasis is placed instead on the ability to communicate effectively. Therefore, within the communicative approach, an approximative approach towards pronunciation is more appropriate. The key is not to let correcting errors hinder the learner's willingness and ability to express themselves freely in the target language.

The communicative approach also recommends differentiating errors based on their impact on speech comprehension. This categorization distinguishes between two types of errors: *communicatively significant (global)* errors and *communicatively insignificant (local)* errors.

Global errors, which substantially affect the understanding of an utterance, require immediate correction.

Local errors, on the other hand, may not require immediate attention and can be addressed after the communication to avoid disrupting the flow of speech.

This approach underscores the importance of striking a balance between fluency and striving for phonetic and intonational accuracy. It acknowledges that while phonetic precision is a desirable goal, it should not come at the cost of impeding effective communication.

The overarching aim is to foster a learning environment where students feel confident in their ability to communicate, even as they work towards improving their pronunciation.

The discussion on pronunciation error correction brings us to a crucial point: the significance of the timing of correction. There are two primary moments when pronunciation errors can be addressed: during the utterance or exercise itself or after its completion. The chosen strategy depends heavily on the exercise's context and objective. For instance, in oral practice exercises, immediate correction is often essential. This immediacy aligns with the primary purpose of these exercises: to develop accurate pronunciation skills. In such a scenario, correcting errors as they occur helps learners immediately understand their mistakes, facilitating a more effective learning process.

On the other hand, during spontaneous speech, such as when a student is answering a question, presenting results of a creative task, or engaged in free-flowing conversation, interrupting to correct pronunciation errors might not be the best approach. In these instances, it is generally more effective to wait until the student has finished speaking before addressing any errors.

This approach ensures that the flow of communication is maintained and that the student remains confident and engaged in the task at hand. Moreover, delaying correction until after an utterance allows for a more comprehensive review of errors, enabling the student to reflect on their speech. It provides learners with an opportunity to develop self-correction skills and become more aware of their pronunciation patterns, a key aspect of language acquisition.

The methods employed to highlight and correct pronunciation errors are crucial in language teaching, as outlined by Prokhorova [12, pp.798-803]. They emphasize that, in addressing sound production errors, educators can adopt various approaches, including explicit correction, recasts, clarification requests, the use of metalinguistic cues, and error emphasis through repetition.

The author of this research further developed a structured classification that comprehensively outlines the strategies for addressing the most common pronunciation errors encountered by Russian speakers of English. This classification not only identifies these prevalent errors but also provides specific methods for effectively correcting them. This approach provides educators with a detailed guide, enabling them to tailor their teaching strategies to the phonetic challenges Russian learners of English face. By categorizing both errors and their corresponding corrective methods, the research provides a valuable framework for targeted pronunciation instruction, ensuring that instructional approaches closely align with the specific needs of Russian-speaking learners of English. The research outcomes are presented in Table 1.

Table 1.

Techniques for addressing and correcting pronunciation errors of Russian speakers of English

	Clarification	Application	Outcomes/Warning
Explicit correction	Involves directly pointing out the learner's pronunciation error and providing the correct form.	When applying explicit correction to Russian-speaking learners of English, it is essential to address the unique phonetic challenges they face due to differences between the Russian and English sound systems. Explicit correction, in this context, involves directly and clearly stating the correct pronunciation of words or sounds that Russian speakers often find difficult. For example, Russian speakers struggle with the English "th" sounds, as these sounds do not exist in Russian. If a Russian learner pronounces "this" as "dis", the teacher will explicitly correct it by saying, "It's pronounced 'this', with a 'th' sound, not 'dis'". Another common issue is the mispronunciation of English vowels, which can differ significantly from their Russian counterparts. If a learner pronounces the word "ship" as "sheep", the teacher should explicitly correct it by saying, "It's 'ship' with a short /i/ sound, not 'sheep' with a long /i:/ sound." Explicit correction is also helpful in addressing issues with consonant sounds, such as the English 'w' and 'v' sounds, which can be challenging for Russian speakers. If a learner says 'vine' instead of 'wine', the teacher will explicitly correct it by saying, "It is pronounced 'wine', with a /w/ sound, not 'vine' with a /v/ sound."	It is important to note that while explicit correction is clear and informative, it should be used sensitively and constructively. The goal is to help learners improve their pronunciation without causing embarrassment or discouragement. Therefore, this technique is most effective when used in a supportive learning environment, where corrections are made positively and encouragingly.
Recast	Involves the teacher subtly reformulating the learner's incorrect utterance into the correct form	In the context of teaching English to Russian speakers, recasting can be a gentle and effective way to correct pronunciation errors. It is beneficial because it corrects indirectly, which can be less intimidating for learners and more conducive to a positive learning environment.	Teachers need to use recasts appropriately. While it is a less direct method of correction, it requires the learner to be attentive and able

	Clarification	Application	Outcomes/Warning
	without directly indicating that an error has been made.	<p>For instance, if a Russian speaker incorrectly pronounces the word “think” as “sink”, a teacher using recast might respond with a sentence that includes the correct pronunciation, like “I also think that is a good idea”. Here, the teacher is not directly pointing out the mistake but rather subtly demonstrating the correct pronunciation with a natural conversation context. Another common challenge for Russian speakers is differentiating between the English /v/ and /w/ sounds. If a learner says, “I have a vindow”, the teacher could recast this by saying, “Yes, opening the window can let fresh air in”. This technique corrects the pronunciation by modeling the correct sound without explicitly highlighting the error.</p> <p>Similarly, without vowel sounds, if a Russian learner pronounces the word “cat” more like “cut”, the teacher can use recast by responding with a sentence like, “Yes, the cat is sleeping on the chair”. This approach provides the learner with correct pronunciation in a contextual and non-confrontational manner.</p> <p>Recasting can also address issues with stress and intonation, which are common for Russian speakers learning English. For example, if a learner places incorrect stress on a word like ‘photogrAph’, the teacher can recast it by using the word correctly in a sentence, such as “This is an interesting phOtograph”.</p>	to pick up on the subtleties of correction. Recasting works best when learners already have a good level of language awareness and can notice the difference between their utterances and the teacher’s recast.
Clarification request	The teacher indicates that the learner’s utterance was not understood and requests clarification, prompting the learner to self-correct.	<p>Applying the technique of clarification requests in teaching English to Russian speakers involves prompting learners to reconsider and self-correct their pronunciation. This technique is particularly effective as it gently nudges learners to reflect on their own speech and identify errors without directly pointing them out.</p> <p>For example, if a Russian speaker mispronounces the word “thoughts” as “fought”, the teacher might use a clarification request by saying, “Sorry, did you say ‘fought’?” This question signals to the learner that there is a problem with their pronunciation, encouraging them to reevaluate and correct themselves, possibly realizing that “thought” should have the /ð/ ð/sound.</p> <p>Another common issue for Russian speakers is differentiating between certain vowel sounds. If a learner pronounces “sheet” as “shit”, a teacher can say, “Could you repeat that? Did you mean a piece of paper?” This clarification request not only highlights the mispronunciation but also helps the learner understand the importance of correct vowel sounds for clear communication.</p> <p>Similarly, if a Russian speaker confuses the /w/ and /v/ sounds, saying “vest” instead of “west”, the teacher might ask, “Did you say ‘vest’”? Are you talking about clothing or direction?” Such a question encourages the learner to reconsider their pronunciation and understand the distinction between these two sounds.</p> <p>Clarification requests can also help address issues with intonation and stress patterns. For instance, if a learner incorrectly stresses a word in a sentence, the teacher might say, “I did not catch that, could you say that again?” prompting the learner to pay closer attention to their stress patterns.</p>	This technique is beneficial as it involves the learners actively in the correction process, fostering a deeper awareness of their pronunciation and encouraging autonomy in learning. It is a respectful way to handle errors, as it avoids direct criticism and instead offers learners a chance to self-correct in a supportive environment.
Metalinguistic cues	Involves giving comments, information, or questions related to the form of the learner’s utterance, without providing the correct answer.	<p>Metalinguistic cues are a subtle yet powerful way to correct pronunciation, especially for Russian speakers learning English. This method involves providing learners with comments or hints about the linguistic form of their utterance, rather than directly giving the correct answer. This technique encourages learners to think about and analyze the language, leading them to self-correct.</p> <p>For Russian speakers, who often face specific challenges in English pronunciation, metalinguistic cues can be particularly effective. For example, Russian speakers might have difficulty with the /ð/ sound, which is not present in Russian. If a learner pronounces “this” as “dis”, a teacher might use a metalinguistic cue like, “Remember, the /ð/ sound is voiced, and your tongue should be between your teeth”, rather than simply correcting the pronunciation. This cue prompts the learner to reflect on how to produce the sound correctly.</p> <p>Another area where this technique is proper is in differentiating vowel sounds. If a Russian learner pronounces “ship” as “sheep”,</p>	The advantage of metalinguistic cues is that they engage learners in figuring out the correct pronunciation themselves, which can lead to deeper understanding and better retention. This technique also respects the learner’s intelligence and capacity for language analysis, making it a respectful and practical approach to pronunciation teaching.

	Clarification	Application	Outcomes/Warning
		<p>a teacher might say, “Think about the vowel sound. Is it a short or long sound”? This kind of cue encourages the learner to consider the differences between short /i/ and long /i:/ sounds in English, guiding them towards the correct pronunciation.</p> <p>Metalinguistic cues can also address issues with word stress, which is often a challenge for Russian speakers. For example, consider a situation where a learner incorrectly stresses the word “record” as “reCORD” when they mean to use it as a noun (as in “I listened to a record”), where the correct stress should be on the first syllable “REcord”. In this case, the teacher can employ a metalinguistic cue by asking, “In the word ‘record’, where should the stress be when we are talking about a music album? Is it on the first syllable or the second”? This question prompts the learner to consider the different stress patterns in English and how they can alter the meaning of a word. It guides them in self-correcting their pronunciation, making them more aware of how stress affects word meaning in English.</p>	
Elicitation	Involves guiding the learner to self-correct by asking leading questions or providing prompts.	<p>Elicitation is a technique that fosters learners' active participation in correcting their pronunciation errors. This method is particularly effective for guiding Russian-speaking learners of English, as it involves asking leading questions or providing prompts that encourage them to identify and correct mistakes.</p> <p>For Russian speakers, elicitation can be a strategic way to address specific pronunciation challenges. For example, if a Russian learner has difficulty distinguishing between the /v/ and /w/ sounds, often a challenge due to the absence of the /w/ sound in Russian, and they say “vine” instead of “wine”, a teacher using elicitation might ask, “Are you talking about the drink made from grapes? Is it “vine” or “wine”? Such a question prompts the learner to think about the correct word and its pronunciation.</p> <p>Among the common challenges is the English /ð/ sound. If a learner pronounces “think” as “sink”, the teacher might elicit the correct pronunciation by asking, “Is it with a /s/ sound or a different sound at the beginning? How do we pronounce /ð/ in English?” This type of questioning leads the learner to reflect on the specific pronunciation of /ð/. Elicitation can also be used to correct stress and intonation, which are crucial in English but often problematic for Russian speakers due to differences in prosody between the two languages (Sokolova, 2010). For example, if a learner incorrectly stresses a word in a sentence, the teacher might ask, “Can you try to stress the first syllable instead? How does it sound then?”</p>	<p>This method is highly interactive, engaging learners in a self-reflective process that encourages them to analyze and adjust their speech. It is a supportive approach that helps build their confidence and autonomy in learning, as it guides them to discover and understand their own errors rather than being corrected directly. Elicitation, therefore, is not only about fixing immediate mistakes but also about developing learners' long-term pronunciation skills and linguistic awareness.</p>
Repetition	The teacher asks the learner to repeat the utterance correctly, often after providing a model to mimic. This method reinforces the correct pronunciation through practice.	<p>Repetition is a fundamental technique in pronunciation training, especially beneficial for Russian speakers learning English. The key to its effectiveness lies in its simplicity and the reinforcement it provides through practice.</p> <p>For Russian speakers who may struggle with certain English sounds not present in their native language, repetition offers a straightforward and effective way to practice new sounds. For instance, if a Russian learner pronounces the word “thirty” as “sirty”, the teacher can first model and correct pronunciation, emphasizing the /ð/ sound correctly each time.</p> <p>Repetition is also helpful in mastering the rhythm and intonation patterns of English, which can differ significantly from those of Russian. If a learner incorrectly stresses a word or uses an incorrect intonation pattern, the teacher can demonstrate the correct stress or intonation and then ask the learner to repeat the phrase or sentence. For example, if the stress is misplaced in the word “photograph”, the teacher can say it correctly and then ask the learner to repeat it, focusing on stressing the correct syllable.</p> <p>Additionally, repetition can help with the overall fluency of the speech. By repeatedly practicing challenging sounds, word clusters, or sentence structures, learners can improve connected speech.</p>	<p>Using repetition is not only about mechanical copying but also about helping learners develop muscle memory for the correct articulation of sounds and patterns. It is a method that can be easily incorporated into various activities and can be made engaging through games, songs, and interactive exercises.</p>

4. Psycho-Emotional Considerations and Innovative Methods in Correcting Language Errors.

In the view of Prokhorova [12, pp.798-803], the most critical aspect of the process of error correction in educational settings transcends beyond the mere type of task, the specific focus of the training, or even the methodology of teaching. Central to this process is the psycho-emotional status of the learners themselves.

This perspective underscores the importance of understanding and addressing students' emotional and psychological states, particularly among adolescents and young learners. An unstable emotional sphere, with fluctuations in feelings and responses, often characterizes this demographic. They might exhibit a lack of confidence in their abilities and potential, leading to heightened sensitivity to criticism or correction. This sensitivity is not just a minor concern.

It can significantly impact the learning process and the way students perceive and respond to error correction.

Prokhorova [12, pp. 798-803] advocates a teaching approach that is acutely attuned to learners' individual and age-specific characteristics. Recognizing that each student group has its unique set of psychological traits and learning requirements is crucial. The approach to error correction should be tailored to consider factors such as personality perception types, individual self-esteem levels, and students' motivational drivers. Such a comprehensive approach to error correction, which integrates an understanding of learners' psycho-emotional dimensions, aims to create a more effective and empathetic educational environment. It suggests that successful teaching and learning involve not just imparting knowledge or skills but also nurturing learners' emotional well-being and self-confidence.

Special attention should be paid to so-called fossilized errors. Those mistakes become deeply ingrained in a learner's speech patterns, persisting over time despite regular teaching and correction efforts.

These errors are notably challenging because they repeatedly surface in the speech of individual students or groups, even after educators' continuous attempts to rectify them. Pak [10, pp. 116-122] highlights several methods for effectively tackling these fossilized errors.

One key strategy is the use of audio recordings. This involves having students record their own speech and then play it back for critical listening and analysis. This technique allows learners to hear their own errors, often making them more apparent and understandable, which is a crucial step toward correction.

Another method involves implementing a special signaling system. This could be a gesture, a sound, or a symbol that instantly flags an error. Such immediate feedback helps students recognize and remember their frequent mistakes in real time, enhancing the correction process.

The use of "error diaries" is also a valuable strategy. In this approach, students keep a personal record of their frequent errors. This ongoing documentation serves as a reflective tool, enabling learners to track their progress over time and focus on specific areas that need improvement.

Lastly, Pak [10, pp. 116-122] suggests a more creative method that involves exaggerating errors to the point of absurdity. By deliberately distorting the meaning of words through mispronunciation (for example, confusing "sleep" with "slip", or "crepe" with "creep"), the absurd, humorous outcome can make the correct pronunciation more memorable. These methods collectively provide a comprehensive framework for addressing fossilized errors. They emphasize active learner participation, self-reflection, and the use of creative strategies to break persistent incorrect language patterns.

Conclusion

The research provides insightful conclusions on correcting pronunciation errors in language learning, particularly among Russian-speaking English learners. These conclusions offer a deeper understanding of the intricacies involved in the process of teaching and correcting pronunciation:

1. *Necessity of error correction.* Error correction is identified as an essential component of feedback in language learning. The study highlights that several challenges related to pronunciation errors and their correction persist, underscoring a continued need for research and innovative teaching strategies in this area.

2. *Factors influencing phonetic difficulties.* The research indicates that both internal factors, such as readiness, motivation, and self-monitoring, and external linguistic factors influence the phonetic challenges learners face. Errors often stem from a lack of understanding of articulatory specifics, improper intonation, and incorrect stress placement in words or phrases.

3. *Methods of error correction.* The study shows that educators widely use the imitative method. However, it notes that this approach is less effective compared to the imitation-analytical method. This more comprehensive approach involves deconstructing sounds, explaining them theoretically, and then reintegrating them into communication, thereby offering a more thorough understanding of language nuances.

4. *Popularity of the approximative approach.* An emerging trend is the adoption of the approximative approach, which suggests refraining from correcting errors that do not significantly alter the intended meaning. This approach prioritizes communication fluency and comprehension over phonetic perfection.

5. *Diverse teaching methods.* The research underscores the utility of various methods in addressing pronunciation errors. These include explicit correction, recasting, clarification requests, the use of linguistic terminology, repetition with an emphasis on errors, and signaling systems. Each method has its own merits, catering to different aspects of phonetic correction.

6. *Attention to fossilized errors.* The study highlights the importance of paying special attention to fossilized errors - those errors that learners repeatedly make despite correction attempts. These errors require specific strategies for effective rectification.

References:

1. Borsheva V.V., Efland E. Errors and the attitude towards them by students and teachers in the process of learning English // *Pedagogy and Psychology of Education*. — 2019. — № 4. — 72–81 pp.
2. Bogdanova T.G. The role of error correction in teaching a foreign language in a non-linguistic university // *Scientific Bulletin of YIM*. — 2014. — № 4. — 66–69 pp. [in Russian]
3. Celce-Murcia M., Brinton D.M., Goodwin J.M. *Teaching Pronunciation*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 375 p.
4. Galkina I.A. On issues of forecasting, preventing, and correcting errors in teaching a foreign language in a technical university // *Scientific Results of the Year: Achievements, Projects, Hypotheses*. — 2014. — № 4. — 30–35 pp. [in Russian]
5. Inamova G.A. Effective methods in forming phonetic skills of the English language // *ORENSSS*. — 2023. — № 5. — 997–1003 pp. [in Russian]
6. Kiryushina O.V. Specifics of control and methodological techniques for error correction in teaching a foreign language // *World of Science. Pedagogy and Psychology*. — 2021. — № 2. — 1–5 pp. [in Russian]
7. Kondrashova N.V. Forecasting and correcting student errors in teaching foreign languages // *Scientific Dialogue*. — 2015. — № 7. — 27–47 pp. [in Russian]
8. Lee C. Accent and professionalism in global communication // *International Journal of Language Studies*. — 2021.
9. Minakova T.V. Overcoming difficulties in learning a foreign language as a condition for the development of students' cognitive independence // *Bulletin of Orenburg State University*. — 2001. — № 1. — 61–66 pp. [in Russian]
10. Pak N.S. Typical errors of those learning English as a foreign language and ways to overcome them // *Scythian*. — 2018. — № 5. — 116–122 pp. [in Russian]
11. Perlova V.V. Principles of teaching students of foreign language faculties word stress as a component of the rhythmic structure of English speech // *West-Siberian Pedagogical Bulletin*. — 2014. — № 1. — 82–93 pp. [in Russian]
12. Prokhorova N.Y., Myagkova B.Y., Komarova E.Y. Technology of correcting phonetic errors in middle school students during English lessons // *Pedagogy. Questions of Theory and Practice*. — 2020. — № 6. — 798–803 pp. [in Russian]
13. Shcherba L.V. *Selected works on linguistics and phonetics*. Vol. 1. — Moscow: Nauka, 1958. — 156–180 pp. [in Russian]
14. Sokolova M.A., Tikhonova I.S., Tikhonov R.M., Freydina E.L. *Theoretical phonetics of the English language*. — Dubna: Feniks+, 2010. — 240 p. [in Russian]
15. Swan M., Smith B. *Learner English: A teacher's guide to interference and other problems*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 145–161 pp.
16. Yanovskaya E.A., Neskreba A.V. The most typical errors in learning a foreign language and some ways to overcome them // *Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication*. — 2020. — Вып. XII. — 325–330 pp. [in Russian]
17. Zelenskaya M.A. Prevention of phonetic errors in teaching English as a method of conscious formation of pronunciation // *Symbol of Science*. — 2017. — № 4. — С. 142–144 pp. [in Russian]

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

**UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

№ 12(138)
Декабрь 2025

Часть 2

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1
16+